

ЖК Клуб

Никитский

Цикл публичных дискуссий

«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 18

**Старые проблемы
на новый лад:
российское
предпринимательство
и общественные
стереотипы**

Москва ■ 2004

УДК 316.654
ББК 60.56
Н62

Президент **Сергей Капица**
Никитского клуба

Вице-президент, **Наталья Румянцева**
Исполнительный
директор

телефон 705-96-73
факс 204-48-40

эл. почта: *nikitskyclub@micex.ru*

<http://www.nikitskyclub.ru>

ISBN 5-8341-0070-8

© Никитский клуб, 2004

Когда во время обсуждения плана заседаний Никитского возникло предложение поговорить о предпринимательстве, мы понимали, что это важная тема, — мы всегда стараемся уделять внимание важным для страны темам. Но, признаться, интерес к «Старым проблемам на новый лад...» превзошел наши ожидания. Вероятно, это можно объяснить не только незатухающей актуальностью предмета разговора, но еще и активной позицией лиц, имеющих к нему отношение. Недаром в массовом сознании предприниматель вызывает, по словам А. Зудина (ЦПП), сославшегося на результаты специального исследования, ассоциации с такими литературными персонажами, как Чичиков, Остап Бендер, с героями Джека Лондона, покорителями «Дикого Запада». Или напоминает крысу, акулу, слона, бобра, вола, муравья. Нельзя сказать, что все образы несимпатичны. Напротив, некоторые даже вызывают уважение.

А потому так ли справедливо утверждение, что в России не любят предпринимателей? И что такое вообще «сообщество предпринимателей»? Если у нас миллион малых предприятий, говорит Е. Гавриленко («Алор-Инвест»), в которых как минимум 2-3 человека, плюс их родственники — это уже больше 3 млн. человек. Прибавить к ним остальных предпринимателей, и окажется, что приличная доля нашего общества — это сами предприниматели. Так кто кого не любит, сами себя?

Справедливый вопрос, если не говорить об олигархах. Более того, по совокупности решаемых проблем социального характера, считает С. Маковецкая (ИНП «Общественный договор»), для отдельного человека малый бизнес — линия гражданской самообороны. Чтобы снять «линию обороны», решить проблему предпринимательства комплексно, необходимо, с точки зрения профессора МГУ В. Тамбовцева, полноценное замещение государства там, где оно плохо работает, коллективным действием не только предпринимателей, но и граждан, — например, в сфере производства общественных благ.

Возможно, в странах с развитой экономикой так и поступают, где малый и средний бизнес, по справке А. Сорокина (РОССПЭН), составляет 60-80% всей экономики, в то время как у нас — только 10%.

Есть ли здесь у России свой путь развития?

Н. Румянцева

ДЕКЛАРАЦИЯ Никитского клуба

Никитский клуб — это частная инициатива ученых и предпринимателей, обеспокоенных судьбой российского общества и государства. Это попытка объединить интеллектуальные силы России, сделать их активным ресурсом развития страны. Это стремление вовлечь в серьезный диалог по важнейшим для России проблемам ученых, политиков, деловых людей и всех представителей общественности, заинтересованных в радикальном снижении экономических и социальных издержек, необходимых преобразований в стране.

Миссия Никитского клуба

Клуб видит свою миссию в том, чтобы консолидировать интеллектуальные ресурсы, преодолеть их невостребованность, предъявить обществу и предложить пути их эффективного использования.

В условиях системной трансформации власть, как правило, вынуждена действовать не столько по глубоко продуманному плану, сколько по обстоятельствам. Вопросы стратегии и глобальное видение проблем остаются вне поля зрения. Между тем, ошибки будущего рождаются в настоящем. Стратегия — попытка предвидеть будущее, чтобы избежать ошибок в настоящем.

Гражданская инициатива Никитского клуба состоит в том, чтобы общими усилиями научных, политических и предпринимательских кругов помочь обществу осознать себя и сформулировать стратегию развития страны.

Цели Никитского клуба

- *консолидация* вокруг Клуба ответственных профессионалов;
- *создание* форума для обмена мнениями по важнейшим вопросам жизни общества;
- *содействие*:
 - формированию культуры независимых экспертных оценок и исследований;
 - формированию культуры глобального мышления;
 - формированию идеологии преемственности, социального партнерства, ответственности;
 - осознанию и формулированию интересов России и вытекаю-

- щей из них политики в различных сферах жизни;
- просвещению общества в сфере глобальных тенденций развития цивилизации.

Задачи Никитского клуба

- создание авторитетной независимой организации, формулирующей возможные приоритеты развития страны;
- влияние на формирование текущей политики в различных областях жизни посредством непредвзятого и независимого анализа ситуации или проблемы.

Методологические принципы

В основу работы Никитского клуба положены методологические принципы Римского клуба:

- междисциплинарный подход к современным проблемам страны и человечества;
- глобальная перспектива при исследовании проблем и ситуаций;
- сосредоточение на долгосрочных и комплексных проблемах.

Формы работы

Клуб будет использовать в своей работе все формы общения, обеспечивающие свободную, квалифицированную и авторитетную дискуссию:

- независимые исследования и доклады;
- круглые столы, конференции;
- СМИ, в том числе создание центра информации по глобальным и стратегическим проблемам в электронной сети (базы данных, исследований, научных публикаций и т.д.).

Круглый стол
«Старые проблемы на новый лад:
российское предпринимательство
и общественные стереотипы»

Москва, 31 марта 2004 г.

Автономов Владимир Сергеевич,

декан экономического факультета Государственного
университета — Высшей школы экономики;
заведующий отделом ИМЭМО РАН

Аузан Александр Александрович,

директор Института национального проектирования
«Общественный договор»

Антонов Александр Васильевич,

староста православной старообрядческой церкви
«Храм Николы Чудотворца»

Борисов Сергей Ренатович,

президент общественного объединения «ОПОРА России»

Гавриленко Анатолий Григорьевич,

председатель наблюдательного совета группы компаний «Алор»

Дмитриева Оксана Генриховна,

депутат Государственной Думы РФ

Дондурей Даниила Борисович,

главный редактор журнала «Искусство кино»

Елизаров Кирилл Петрович,

начальник управления по внешним связям ХК «Интеррос»

Зудин Алексей Юрьевич,

руководитель департамента политологических программ
Центра политических разработок

Капица Сергей Петрович,

президент Никитского клуба

Коваль Татьяна Борисовна,
заместитель директора Института федерализма
и гражданского общества

Кувалдин Виктор Борисович,
исполнительный директор круглого стола «Экспертиза»

Луков Вадим Борисович,
посол по особым поручениям МИД РФ

Маковецкая Светлана Геннадьевна,
программный директор Института национального
проектирования «Общественный договор»

Николаева Елена Леонидовна,
руководитель исполкома Общероссийской общественной
организации «Деловая Россия»

Роцин Михаил Юрьевич,
ведущий научный сотрудник отдела социально-политических иссле-
дований Института востоковедения РАН

Сорокин Андрей Константинович,
генеральный директор издательства «РОССПЭН»

Тамбовцев Виталий Леонидович,
профессор экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Круглый стол вел **С.П. Капица.**

С. П. Капица

Дорогие коллеги, тема нашего заседания — «Старые проблемы на новый лад: российское предпринимательство и общественные стереотипы», — на мой взгляд, столь же актуальна, сколь и стара. Мы сформулировали несколько вопросов в качестве основы дискуссии: почему в России «модно» не любить предпринимателей? корректны ли ссылки на российские традиции? малое предпринимательство (экономическое разнообразие и региональные особенности) — линия общественной самообороны? кому выгодно, чтобы предприниматель испытывал стыд и страх? должен ли российский предприниматель дополнительно платить обществу за право заниматься бизнесом? традиционная культура и предпринимательство: возможна ли православная этика предпринимательства?

Прежде чем со вступительным докладом выступит Алексей Юрьевич Зудин, руководитель департамента политологических программ Центра политических технологий, я хотел бы сказать несколько слов. 18 февраля в Доме экономистов прошел круглый стол, посвященный 100-летию со дня рождения А.Н. Косыгина, на который меня пригласили рассказать о взаимоотношениях между Косыгиным и моим отцом (Петр Леонидович Капица — известный ученый-физик, лауреат Нобелевской премии. — *Ред.*). Когда Косыгин был премьером, моему отцу было столько же лет, сколько мне сегодня.

В 1969 г. отец совершил большое путешествие в Соединенные Штаты, а в конце 1970 г. у Косыгина прошло совещание, посвященное, как мы теперь говорим, процессу инноваций, а тогда это называлось «внедрением новой техники в производство и экономику». На этом совещании и выступил отец. Сохранилось три страницы стенограммы его выступления, но главное, что отец после этого совещания написал большую статью под названием «Как обеспечить рост нашей научно-технической культуры», которую он затем послал Косыгину. Начинается эта статья такими словами: «Неизменно при обсуждении вопросов о внедрении новой техники и достижений науки в народное хозяйство у нас обнаруживается, что несмотря на то, что уровень нашей науки и техники высокий и задел достижений для освоения большой, сам процесс внедрения новой техники и технологии у нас, как всегда, идет туго, значительно медленнее, чем в капиталистических странах».

Это было сказано 35 лет тому назад. В статье далее говорится об опыте крупных корпораций в Америке. Так, корпорация «Bell» («Bell Telephone

Ж клуб

Нижинский

Фото Л. Панкратовой

С.П. Капица

Со.») при обороте 35 млрд. долл. в год имела в штате около 70 тыс. человек, из них 3% занимались новыми разработками в области телефонии, связи и фундаментальными исследованиями в области физики. В этой корпорации была осуществлена программа усовершенствования телефонной связи, цель которой состояла в том, чтобы перевести её на бесконтактный метод, на полупроводники. Целевая программа завершилась блистательным успехом: изобретение транзистора было удостоено Нобелевской премии.

Далее в статье отец подробно обсуждает вопрос, очень актуальный для нас сегодня — утечку умов из Европы в Америку (это 35 лет тому назад!). Среди стран-«поставщиков» он отмечает Англию, Германию, Италию (французы этим процессом не были затронуты, прежде всего потому, что, по утверждению отца, не выносили американской пищи). 30% ученых возвращались обратно, становясь носителями опыта, полученного в США. Затем в статье подробно описывается роль и значение отбора руководителей и руководящих кадров, справедливо названных важнейшим фактором управления.

Петр Леонидович подробно описывает идеологию подготовки образования, которая была реализована в МГИМО МИД, МИФИ и основанном

им Московском Физико-техническом институте (Министерство высшего образования РСФСР), в котором я достаточно долго преподавал. Речь шла о связи науки и образования, связи практики с производством с самого начала воспитания и образования ученого и инженера. В этом контексте обсуждаются многие аспекты инновационного развития.

Вообще, все темы, затронутые в этой статье, весьма актуальны и сегодня, что указывает на вечность обсуждаемых проблем, появившихся даже не 35 лет назад, а ещё раньше. Поразительно, что на протяжении стольких лет и мощнейших преобразований, потрясших страну и мир, проблемы инноваций, вопросы внедрения до сих пор не решены в нашей стране. В определенном смысле сейчас дела обстоят даже хуже, чем тогда. Как показывает опыт, рассчитывать на наш капитализм пока нельзя. В прошлом инновации у нас могли развиваться хотя бы в рамках военной промышленности. Отцу удалось реализовать крупнейший проект, связанный с кислородной промышленностью, и ряд других программ, в первую очередь, конечно, атомную и ракетную — типичные крупномасштабные информационные программы. Как бы мы сейчас могли сделать бомбу, если бы «припёрло», — я не знаю. Кстати, в 1991 г. на одном из последних заседаний бывшего Министерства среднего машиностроения об этом говорил министр Е. П. Славский. Он бросил серьезный упрек всей системе, одним из главных создателей которой был, прозвучавший чуть ли не как завещание.

Мне захотелось сегодня об этом напомнить, потому что проблемы, перечисленные в статье Петра Леонидовича, были и остаются очень существенными. Кстати, тогда статья не была опубликована, она была разослана в Правительство, в ЦК, на крупные заводы. Сейчас эта статья вышла в сборнике трудов «Наука и современное общество», в котором собрана такого рода публицистика Петра Леонидовича.

Сейчас я хочу показать схему, которой часто пользовался при обсуждении подобных вопросов. В схеме отражена связь между мотивами той или иной деятельности (см. рис. «Наука и общество»), и может быть, она поможет нам в дальнейших рассуждениях.

Это простая диаграмма связи науки и общества: наука подразделяется на фундаментальную и прикладную; прикладная наука и промышленность входят, в свою очередь, в область экономики.

Фундаментальная и прикладная наука существенно разнятся по динамике развития. Время на развитие фундаментальной науки составляет порядка 100 лет: квантовая механика была открыта 100 лет

НАУКА и ОБЩЕСТВО			
	НАУКА		ЭКОНОМИКА
	ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ	ПРИКЛАДНАЯ	ПРОИЗВОДСТВО
<i>СВЯЗЬ ЧЕРЕЗ:</i>	<i>ОБРАЗОВАНИЕ</i>		<i>ИННОВАЦИЮ</i>
ВРЕМЯ	100 ЛЕТ	10 ЛЕТ	1 ГОД
ДЕНЬГИ (У.Е.)	1	10	100
МОТИВЫ	ПОЗНАНИЕ	ПОЛЬЗА	ВЫГОДА

назад — сейчас это основа колоссальной промышленности. То же самое — с современной биологией и многими другими отраслями фундаментальной науки.

Серьезное достижение в прикладной науке занимает десять лет, а хорошо работающая промышленность может переориентироваться на новые модели за год, особенно в военных условиях. На диаграмме указаны условные единицы в буквальном смысле слова: 1 единица, 10 единиц, 100 единиц — это пропорция в логарифмическом масштабе, отражающая соотношение в сложных процессах.

Самое существенное, на что меньше всего обращают внимание, — последняя строка диаграммы: мотивы деятельности. Мотив людей, занимающихся чистой наукой, — не материальная польза, не доход, их это не занимает, а познание, если хотите, под влиянием каких-то инстинктов. Это очень важно понять.

В прикладной науке, несомненно, важна деятельность, имеющая практический результат, а далее уже — доход, вхождение в экономику и пр.

Мне кажется, эта диаграмма позволяет уяснить вопросы, которые нам предстоит обсудить, поэтому я позволил себе её вам показать.

Сейчас я хочу дать слово Алексею Юрьевичу Зудину, руководителю департамента политологических программ Центра политических технологий.

А. Ю. Зудин

Сергей Петрович справедливо отметил, что тема нашего разговора не новая, говоренная–переговоренная, и, казалось бы, что здесь обсуж-

А. Ю. Зудин

дать? Все мы без всяких научных докладов и публицистики знаем, что частное предпринимательство, особенно крупное, наше общественное мнение не жалует — и здесь, будто бы, можно поставить точку. Но, на мой взгляд, такое отношение несколько поверхностное и связано отчасти с тем, что мы очень любим ходить толпой.

В поздний перестроечный период предпринимательство стало модой, в начале реформ даже, так сказать, принудительной модой. Все стали говорить, как это хорошо, у предпринимательства большой потенциал и с этим связано будущее. Потом вектор поменялся — сначала в обществе, затем в политике — и сейчас стало модным говорить о том, что у нас общественное мнение не приемлет предпринимательство. Для нас это вещь чуждая, у нас менталитет особый и вообще мы, так сказать, тяготеем к слабо дифференцированному восприятию мира. Предпринимательство как нечто чужеродное мы потерпим, но никаких больших надежд с этим связывать нельзя, это все наносное.

Обе точки зрения — как завышающая, так и преуменьшающая возможности предпринимательства в нашей стране, — на мой взгляд, упрощенные. Здесь необходимо найти здоровое равновесие, подходом к которому, мне представляется, послужило исследование, проведен-

ное нами в ЦПР в конце 90-х. Я специально говорю, в конце 90-х, потому что публикуемые время от времени данные и Фонда общественного мнения, и старого ВЦИОМа (ныне «Левада—Центр») не расходятся с основными результатами нашего исследования.

Нами была проведена серия фокус-групп — групповых дискуссий с респондентами, где помимо методики групповой дискуссии использовались и различного рода проективные методы, призванные выявить реакции людей не только на сознательном уровне, но и на уровне, скажем, мало осознаваемом, что особенно ценно. Плюс, где было уместно, использовались данные количественных исследований. Итак, что же мы получили?

Нам было интересно узнать, что стоит за таким, мягко говоря, противоречивым отношением общественного мнения к предпринимательству (я говорю пока о предпринимателях в целом, не выделяя крупный бизнес)? В нашем исследовании проявилась размытость социальных границ предпринимательства. Людям сложно было определить, кто такие предприниматели, где кончаются предприниматели и начинаются другие люди. Во время обсуждения часто звучал ответ, что сейчас все предприниматели, все «крутятся».

Следующую особенность в восприятии респондентов можно определить как бедность социального опыта. Бедность, потому что соприкосновение с предпринимательским опытом у людей, как правило, очень незначительное, фрагментарное. Наверное, экономисты могли бы назвать эту область границей экономической системы — глубокая периферия, сфера мелкой, мельчайшей торговли, достаточно сомнительных финансовых операций.

Другая особенность восприятия — бедность адекватных культурных ресурсов. Для того чтобы что-то увидеть, что-то осмыслить, необходимы образы. Эти образы формирует культура, в которой общество существует. Выяснилось, что образы, используемые респондентами для описания предпринимателя, были, мягко говоря, не очень адекватными. Хотя отчасти эта неадекватность была и обоснованна. Что я имею в виду? На вопрос, какие литературные персонажи или персонажи кино приходят в голову в связи с фигурой предпринимателя, в ответах респондентов по частоте упоминаний преобладали «жулики» и то, что принято называть в литературоведении «плутовскими персонажами». Первое место поделили Чичиков и Остап Бендер — здесь, так сказать, ничего удивительного нет. Интереснее, что второе место по частоте

те упоминания заняли персонажи Джека Лондона и герои, связанные с американским «Диким Западом», его покорением и т.п. Интересно, потому что, во-первых, эти образы, будучи такими же неадекватными, как и, скажем, образ Чичикова, воспринимаются в отличие от последнего позитивно. Во-вторых — происхождение персонажей: это тот кусочек американской культуры, который давно стал составной частью нашей. У нас не первое и не второе поколение людей читает Джека Лондона и воспринимает героев его произведений как своих собственных.

Ещё одна деталь, с которой мы столкнулись при изучении особенностей восприятия предпринимателя в массовом сознании, — размытость предпринимательской функции. Людям не только было сложно представить, кто такие предприниматели вообще, но и в чем состоит их работа, что они делают? На этот счет мы получали либо негативные, либо позитивные клишированные представления — все зависело от общей, более глубинной установки того или иного респондента.

Важно также, на мой взгляд, следующее наблюдение. Образ предпринимателя, который мы зафиксировали в массовом сознании, тяготел к редукционизму. Люди стремились максимально упрощать свои представления о предпринимателе и предпринимательских мотивах. Как только речь заходила об этом социальном персонаже, они тут же говорили: деньги, деньги, деньги. Когда их начинали более подробно расспрашивать, то получалось немного смешно: те, кто не занимается предпринимательством — учителя, врачи, рабочие на заводе, колхозники или фермеры, — работают не для денег, а предприниматели работают для денег, и в этом состоит некий их изъян, некая ущербность, за это их укоряли.

Характерно, что при перечислении личностных черт предпринимателей использовались сниженные определения. Например, респонденты говорили «хитрый» вместо «умный», «изворотливый» вместо «гибкий» и т.д. Общее отношение к этому персонажу можно определить как социальную дистанцию и психологическую настороженность, т.е. предпринимательство и предприниматели в целом воспринимаются людьми как нечто не свое и не близкое, это чуждый мир. Приведу характерную, на мой взгляд, цитату из фокус-группы: «Предприниматель — это совсем другой человек. Нам даже говорить не о чем, у меня в жизни совсем другие интересы. Какие именно интересы у предпринимателя, в точности сказать не могу, но у меня точно они другие». Отношение к предпринимателям как к чему-то далекому, непонятному и чуждому очень вырази-

тельно оформила одна женщина в емкой фразе в ответе на соответствующий вопрос: «Пусть только не мой муж». Это стремление дистанцироваться было связано (связано и сейчас, но тогда особенно) с тем, что предпринимательство имело ореол криминала. Предприниматель – это персонаж, который постоянно проходил в сводке криминальных новостей и в силу этого приобретал дополнительные, пугающие и отталкивающие свойства. Ещё одна цитата: «Я про трупы все читаю, у меня образ не предпринимателей, а их трупов. Везде одни трупы, трупы, трупы». Это было одним из факторов социальной дистанции и психологической настороженности.

При измерении мало осознаваемого уровня применяются разные методики. Мы использовали наиболее распространенную из них, задавая следующий вопрос: «С образами каких животных у Вас ассоциируется образ предпринимателя?» В ответах преобладали образы животных, вызывающих отвращение (чаще других упоминалась крыса), опасность (акула) или просто неприемлемых для совместного проживания («это животное не домашнее»).

В то же время важно подчеркнуть, что результаты исследования говорят о том, что речь не идет о социальном отторжении. Заметное место в системе ассоциаций на мало осознаваемом уровне занимают неагрессивные мелкие и крупные животные, за которыми в культуре закрепились устойчивые положительные или, по меньшей мере, нейтральные характеристики. Например, слон, бобер, вол, муравей. Причем часть участников опроса проявила заинтересованность «в совместном проживании» («нам бы хотелось, чтобы такие звери жили с нами вместе») или прямо говорила о совместимости («вполне можно их приручить»).

Очень важно, что одна из стержневых бессознательных характеристик общественного имиджа предпринимателя — опасность и неудобство для совместного проживания, — носит внутренне противоречивый характер. Его источником служат приписываемые образам животных повышенная самостоятельность и свободолюбие. Даже прозвучала фраза: «Такие в неволе не живут». И эти ценности имеют большое позитивное значение в культуре.

То же самое можно сказать и по поводу широко представленных ассоциаций с опасными животными. Важно отметить, что среди опасных преобладают те, кого мы привыкли называть «благородными» хищниками: пантера, тигр, кошка, барс, леопард, орел. Фигура хищника — это образный синоним не только опасности, но и силы. В культуре свойства

«благородных» хищников приписываются людям и группам с высоким лидерским потенциалом. При анализе имиджа политических лидеров с применением той же методики те из них, кому приписываются указанные свойства, как правило, оцениваются как перспективные. Если у лидера нет свойств «благородного» хищника, наделенного силой и некоторой долей опасности, с ним, в общем-то, работать бесполезно. То, что на втором уровне сознания в восприятии предпринимателей присутствует совершенно очевидное внутреннее тяготение и плохо осознаваемая симпатия, на мой взгляд, очень важно.

Наконец, последнее наблюдение, на первый взгляд ещё больше противоречащее основным негативным выводам респондентов («непонятно, чем занимаются предприниматели», «это только деньги, деньги и деньги» и пр.), состоит в том, что предпринимательство воспринимается как безальтернативная форма существования, т.е. общество, экономику, представить себе без предпринимательства не-воз-мож-но! И если постараться вывести какую-то, пусть схематичную, формулу восприятия предпринимательства, то такая формула будет состоять из двух частей: с одной стороны — достаточно слабые культурные корни, с другой — сильное ощущение безальтернативности. И весь спектр общественных реакций развивается в поле напряжения между этими началами.

Можно поставить вопрос: откуда эта безальтернативность? Результат, как часто сейчас говорят, индоктринаций в СМИ, находящихся в плену «нехороших» западных образцов, или чего-то другого? Я думаю, что это результат чего-то другого. Мы как-то не очень внимательно относимся к собственному прошлому — я имею в виду советское, позднесоветское прошлое. Безальтернативность как форма существования предпринимательства возникла в результате культурной эволюции, произошедшей в советский период. Это отдельная большая тема, я просто хочу отметить некоторые моменты культурной эволюции, под влиянием которых предпринимательство, по моему мнению, и превратилось в нечто безальтернативное.

Итак, какие же культурные феномены мы можем зафиксировать в конце советского периода? Возьмем условный рубеж — 1985 год: начался распад аскетической трудовой этики, когда высоко ценимый труд не был связан с индивидуализированным денежным вознаграждением. Было преодолено безденежное сознание, низкий статус денег в культуре. Раньше, как все хорошо помнят, деньги были связаны с чем-то презренным, персонажи советского кино, гонявшиеся за длинным рублем,

вызывали всеобщее осуждение. В конце советского периода картина немного поменялась. По умолчанию было принято, что деньги – это не главное, но это важное и это не постыдное. Не постыдно зарабатывать много денег, не постыдно стремиться к благосостоянию. Собственно говоря, деньги были реабилитированы не сами по себе, а в связи с реабилитацией индивидуального благосостояния.

Здесь возникла ещё одна важная позднесоветская веха культурной эволюции — рождение приватной сферы как ценности. Раньше все, что относилось к быту, оценивалось презрительно, негативно и подлежало санкциям. В ранний советский период или в период так называемой сталинской классики людей, слишком много уделявших внимание устройству своего дома, своему внешнему виду, называли мещанами. Такие люди не думают о Родине и хорошего отношения в фильмах и книгах не заслуживают. В конце советского периода это исчезло, приватный мир явочным порядком стал ценностью: мир, который создает человек благодаря тому, что он работает, мир его семьи — это мир благоустроенный.

Наконец, государственная собственность, как мы помним, утратила моральный авторитет и стала восприниматься как ничейная. Это тоже сдвиг в системе ценностей.

И последнее, очень важное: в культуре изменились представления о фигуре руководителя. Образ начальника, фиксирующий только иерархическую принадлежность его носителя, оказался недостаточным к моменту условно взятого 1985 г. Позднесоветская культура активизирует образ хозяина, который наряду с иерархической позицией, делает акцент на позитивных деловых качествах — заинтересованном отношении к делу и успешности. Слова «частная собственность», «предприниматель» никто не произносит, но движение осуществляется именно в этом направлении.

С. П. Капица

Спасибо, Алексей Юрьевич. Вы показали, как предприниматель воспринимается в обществе и как эволюционировали эти представления. Правда, было бы важно узнать, что думают предприниматели об обществе, как другая сторона действует в этой взаимной игре. Потому что, по-моему, только понимая позиции обеих сторон, мы сможем решить проблему.

Я хотел бы указать на одну деталь, отраженную в показанной мною диаграмме: сопоставление мотивации людей, занимающихся чистой

инновационной изобретательской деятельностью, и организаторов этой деятельности. Если говорить о творческих профессиях, интересный и сложный пример — продюсеры в кино, на телевидении, где происходит индустриальное производство культурных или как бы культурных ценностей. Двойственность мотивации организатора процесса и творческого работника очень сложна и, с моей точки зрения, очень поучительна. В советское время — я уже упоминал атомную область — поразительным организатором был Е. П. Славский, горный инженер по образованию, сумевший создать колоссальную отрасль и возглавлявший её в течение чуть ли не 25 или 30 лет. Одним из главных умов этой отрасли был И. В. Курчатov. Мне достоверно известно, что Курчатovu много раз предлагали пост министра, пост заместителя председателя Совета министров, чуть ли не самые высокие посты в Политбюро и все, что только можно было вообразить в той реальности. Он категорически от всего отказывался, обладая колоссальным влиянием.

Таким же был А. Н. Туполев. Я хорошо знал этого человека. С одной стороны, это был один из крупнейших инженеров-конструкторов в XX в., а с другой — хороший организатор. Он также обладал большим влиянием и никогда не стремился занять высокие государственные посты. Таким же был и С. П. Королев.

Что касается моего отца, у него, по-моему, в этом отношении был негативный опыт. Петр Леонидович изобрел и разработал действительно замечательную вещь: низкотемпературное производство кислорода сыграло решающую роль во время войны, и это привело к развитию целой промышленности, которая могла бы, наверное, раз в 10 окупить содержание Академии наук. Отец стал начальником Главкислорода при Совете министров (министр второго ранга) и это, мне кажется, был не самый мудрый шаг в его жизни, хотя, возможно, не мне об этом судить. Он был властным человеком — они все были волевыми, властными людьми. Но одно дело быть просто мощной властной фигурой, а другое — имея в руках инструменты власти, суметь преодолеть противоречие между организатором и творцом-изобретателем, осуществляющим инновационный процесс. Это очень важно.

Я думаю, многие издержки, о которых говорил Алексей Юрьевич, заключаются в том, что мы не всегда понимаем суть этого противоречия. Изобретатель может быть в каком-то смысле бессребреником. Я не хочу сказать, что перечисленные люди были бессребрениками, но они вели, так сказать, удобный, но отнюдь не роскошный образ жизни,

хотя, может, и шикарный по тем временам. У них были хорошие квартиры, дачи, машины — больше им ничего не надо было. Они работали с самого раннего утра и до самого позднего вечера — это надо было видеть! В этом был весь смысл их жизни. По-моему, это очень важно понять и как-то объяснять через средства массовой информации, литературу. На мой взгляд, и сегодня, объясняя социальные проблемы предпринимательства, мы не должны игнорировать это обстоятельство.

Отношение к деньгам. Деньги — не цель, а инструмент для достижения тех или иных целей. Люди, которых я перечислил и хорошо знал, деньгами не интересовались. Они интересовались ресурсами, которыми можно и надо было распоряжаться. Сколько у них было людей? У Туполева на заводах работало полмиллиона человек. Сколько работало в атомной промышленности, знал, наверное, только Славский, да и то не сказал. Но все они достигали своих целей — об этом мне хотелось сказать и обратить внимание на разницу между творцом и предпринимателем, изобретателем и реализатором изобретений для развития общества.

Кстати, сейчас это касается и фундаментальной науки. Она стала столь большой и сложно устроенной, что здесь тоже требуется люди, наделенные руководящими способностями и умением. Это не обязательно должны быть нобелевские лауреаты или выдающиеся академики. У нас перепутались понятия, отчего, по-моему, и происходят многие беды с организацией нашей науки и в итоге с организацией инновационного процесса. Думаю, что если мы коснемся этих вопросов в нашей дискуссии, то поможем решению проблемы «Российское предпринимательство и общественные стереотипы», положенной в основу нашего обсуждения.

Таким образом, подводя итоги выступления Алексея Юрьевича, я предлагаю выступить Александру Александровичу Аузану, директору Института национального проекта «Общественный договор».

А. А. Аузан

Реагируя на вопросы, поставленные для обсуждения, я хотел бы высказать три тезиса.

Тезис первый: идет ли речь о старых, как сказано в названии дискуссии, проблемах на новый лад? Да, я считаю, что речь идет о старых проблемах на новый лад. Причем я пришел к этому убеждению, пожалуй, в последние полгода. На мой взгляд, имеет место не просто и не столь

ко некоторая российская традиция отношения к предпринимательству, а то, что в современной институциональной теории называется «пас дипенденси проблем» (path dependency problem). Эта форма зависимости в институциональных изменениях в стране, которая не только создает ограничения в возможностях этих изменений, но и периодически допускает некоторые возвратные движения. На мой взгляд, за последние полгода мы пережили вполне очевидные признаки такого рода ограничений, причем это касается не только отношения общества к предпринимательству. По-моему, очень характерно само поведение предпринимательского сообщества в этих условиях, потому что значительная часть предпринимательского сообщества восприняла идеи перераспределения, оказалась способной к сервильному поведению. Это относится к предпринимательскому сообществу в той же степени, как и к другим группам в обществе, поэтому я не буду здесь говорить о вариантах решения «пас дипенденси проблем» — это очень тяжелая, большая и длинная тема. Я только коротко скажу, что все выводы о возможности выхода из «пас дипенденси проблем» довольно мрачные. По-моему, наиболее оптимистичные из них сделаны Эрнандо де Сото, который полагает, что это вопрос перехода (видимо, в течение нескольких десятилетий) от одного типа социального контракта к другому, и нужно приводить в соответствие формальные и неформальные правила. Книги де Сото достаточно известны, я не буду останавливаться на этом дольше.

Тезис номер два: стыд и страх. Нужно ли кому-нибудь, чтобы предприниматель испытывал стыд и страх? Конечно, и очень-очень многим, потому что, на мой взгляд, речь идет о достаточно органичной системе. В данном случае сошлюсь на пример практический. Мы с Сергеем Ренатовичем Борисовым как члены Президентской комиссии по правам человека в декабре участвовали в совещании у Президента по вопросу «нарушения прав человека правоохранительными органами». И тема, которую мы довольно долго и тяжело обсуждали, касалась прав предпринимателя. Было три уровня обсуждения. Хочу сказать, что на первом уровне проявилось согласие в том, что нужно что-то делать, чтобы закон о правах предпринимателей был регламентирован.

Второй уровень оказался гораздо более трудным, потому что значительная часть людей у нас, причем не только предприниматели, являются заведомо виновными из-за противоречий (коллизий) между законами. У нас есть неисполнимые законы, а тезис «все должны исполнять

законы» хорош только тогда, когда все законы можно исполнить. Это вызвало резкое и тяжелое сопротивление. На третьем уровне, когда нашим коллегой по комиссии, журналистом Владимиром Соловьевым было озвучено, что сотрудникам силовых органов нужно платить большие легальные деньги, я совершенно не ожидал проявившегося сопротивления. Такая постановка вопроса вызвала явное несогласие.

Почему я об этом рассказываю? Если вдуматься, то возникает некоторая цепочка взаимосвязанных явлений и событий: у «силовика» есть инструменты, чтобы вынуть из нас — граждан, предпринимателей — необходимое ему количество денег (приводили реальные примеры от ГАИ и до более серьезных силовых служб). И если сотруднику правоохранительных органов не платят большие деньги, он становится очень удобным инструментом, так как в этом случае не может отказаться от исполнения приказа, который, скажем, не вполне законен. А с другой стороны, требование исполнения закона всеми очень удобно, очень естественно. И если не проведены соответствующие поправки, не объявлены амнистии, то как, например, быть с невозможностью исполнения закона в 90-е годы — я говорю не только о предпринимателях, я говорю почти о любом налогоплательщике? Если это не зафиксировано на законодатель-

ном уровне, то мы имеем заведомо виновных граждан, юридических лиц, а власть имеет управляемые в известном смысле силовые органы. В сумме получается гораздо более управляемая ситуация в стране. Я не хочу сказать, что в этом заинтересована только власть. В этом заинтересованы многие группы, потому что в таком случае можно перераспределять ренту, можно подкармливать слабых, можно ограничивать конкуренцию — существует много групп, которые могут быть заинтересованы в таких ограничениях.

Последний тезис укладывается — я возвращаюсь к идее социального контракта — в понятия вертикального контракта (контракта по Гобсу), когда права собраны государством: оно раздает — оно и забирает. Эти определенные органичные устойчивые системы существовали не только в России.

Итак, должен ли предприниматель платить обществу за право заниматься бизнесом? Я считаю, что постановка вопроса некорректна. Если вы говорите, что есть некоторые проблемы, которые нужно закрывать, в том числе деньгами, непонятно, почему это нужно делать обязательно через государство, через налоговую систему или по указке государства, которое, по-моему, не самый эффективный для этого механизм в нынешних условиях? Другое дело, если сформулировать вопрос иначе: должен ли предприниматель участвовать в системе частных обменов в обществе, направленных на создание клубных и общественных благ, как говорят экономисты? Ведь если государство этого не делает, то кто-то должен формировать нормальную институциональную среду, правила и т.д. Если мы не хотим, чтобы государство это делало, потому что оно не эффективно, тогда мы должны принять эти обязанности на себя. Причем я-то утверждаю, что это не односторонний процесс. И есть один простой признак, по которому можно судить, правильно он настроен или нет: мера его добровольности. Потому что если предприниматель из определенного меню выбирает, что, каким образом и с каким партнером он делает, если он участвует не только денежным ресурсом, но и ресурсом технологическим, интеллектуальным, экспертным, — если начинает «играть» вся эта многогранность, то это и есть реальная система общественных обменов. Если же это «принудилонка» — неважно, через бюджет в виде налога или в виде указания власти «заплатить за этот детский садик», то это явление той же природы, что и налоги, только, наверное, хуже, потому что такого рода вещи законом не регламентированы со всеми вытекающими отсюда последствиями.

С. П. Капица

Спасибо, Александр Александрович. Вы поставили, по-моему, очень важный вопрос о социальном контракте и, грубо говоря, о договоренности между предпринимателем, собственником и обществом. В итоге это вопрос об ответственности — социальной ответственности и формах ее реализации. Положим, какой-нибудь крупный чиновник прошлой эпохи, возглавлявший промышленность, или секретарь какого-нибудь ЦК по промышленности отвечал за свой сектор в рамках той действительности. Понятие собственности при этом никак не фигурировало, но права его были направлены на реализацию какой-то по тем временам понимаемой общественной цели.

Сегодня, мне кажется, мы в значительной мере потеряли, во-первых, способ реализации этих целей и, во-вторых, сами цели. Что, футбольная команда «Челси» для нас важнее, чем наша собственная? Как вообще перераспределять эти вещи, какова ответственность таких решений и какой Бог должен нами руководить в этом плане?

Тема социального контракта и ответственности исключительно существенна для нас, и мы её ужасно боимся. Даже в дебатах вокруг дела М. Ходорковского я не видел, чтобы её серьёзно затрагивали, хотя, с моей точки зрения, тема является ключевой во всей этой истории: в чем ответственность за распоряжение недрами, как это распределяется?

Я спрашивал своих знакомых геологов, какая часть средств в нашем нефтяном бизнесе идет на разведку новых месторождений? Мне сказали, что очень малая. Может быть, сейчас дело улучшается — я не знаю, хотелось бы владеть этой информацией. Когда-то я сам был связан с нефтеразведкой и имею об этом некоторое представление.

Следующий выступающий — Виталий Леонидович Тамбовцев, профессор экономического факультета МГУ. Наверное, сейчас будут затронуты экономические аспекты нашей дискуссии.

В. Л. Тамбовцев

Спасибо, но я совсем не уверен, что смогу оправдать эти надежды.

Хочу начать с очень сложной и, я бы сказал, непривлекательной для предпринимателя картины, проявившейся по результатам исследования Алексея Юрьевича. Автор изложил их достаточно подробно. С моей точки зрения, вывод из этой картины может быть следующим: люди воспринимают предпринимательство как явление, в значительной мере неизбежное, но не легитимное. Не легитимное не в юридическом,

а в политологическом смысле, т.е. как нечто, не являющееся добровольно принятым. Если нечто неизбежно, – это не значит, что я его принимаю. Я понимаю, что смена времен года неизбежна, но не нравится мне это. Примерно такая ситуация выявилась и с предпринимательством. Алексей Юрьевич очень убедительно и подробно раскрыл причины, но давайте посмотрим на ситуацию с точки зрения предпринимателей.

Ведь они же тоже это понимают, а стало быть, понимая нелегитимность своего существования, сталкиваются с задачей чрезмерных издержек, порождаемых этой самой нелегитимностью. Значит, надо её устранять. Вот совершенно операциональная задача, которая, вероятно, осознанно или неосознанно, стояла и стоит перед предпринимателями. А как можно устранить «политологическую» нелегитимность? Путь единственный – убеждение словом и делом в том, что предпринимательство не только неизбежно, но ещё и хорошо. И технология убеждения делом, через взаимовыгодные обмены поневоле подсказывается самой технологией работы предпринимателя.

Так возникает ситуация, которая в более развитых политико-экономических системах получила название «социальной ответственности бизнеса». Это понятие не у нас родилось, у нас его начали применять лишь недавно. Вопрос в том, корректно ли оно применяется?

Что представляет собой эта самая социальная ответственность бизнеса? Любое человеческое действие, любое человеческое взаимодействие порождает внешние эффекты, которые люди не учитывали, совершая это действие. Если это действие вредоносное и возникает негативный внешний эффект, то хорошо бы его компенсировать. Для этого есть правовая система, есть частное гражданское право, есть иск, который можно кому-то вчинить, и так далее. Например, вас задела машина, вы вчиняете иск, получаете компенсацию.

А если внешний эффект положительный, — что тогда? Например, если вы как генератор положительного внешнего эффекта получили больший результат, вернее, дали больше, чем намеревались, — что делать в этом случае? Вчинять обществу иск с требованием компенсировать ваши издержки? Это как-то не принято, нет такой практики, хотя она была бы вполне оправданна, тогда решения были бы действительно оптимальные, они учитывали бы все положительные и отрицательные последствия.

Ведь при наличии внешних эффектов решения, определяющие соответствующие действия, могут либо недопроизводиться, либо перепроизводиться, поскольку мы не учитываем и всех издержек, и всех выгод.

Тем не менее, практика дополнительной оплаты положительных внешних эффектов почему-то в обществе не существует, что очень странно. Я могу объяснить, почему она не существует: издержки вычисления подобных эффектов и обеспечения их возвратов могут быть больше, чем сами возвращаемые эффекты, а могут и не быть.

Но если признать, что есть и положительные, и отрицательные неожиданные внешние эффекты, то вопрос повестки нашего заседания — должен ли предприниматель платить за то, что ему разрешено заниматься предпринимательством, — имеет и инверсную постановку. Должно ли общество платить предпринимателю за то, что он, предприниматель, дает ему, обществу, рабочие места, платит работникам зарплату, снабжает людей товарами и т.д., и т.п.? Чем эта постановка хуже, чем альтернативная? Да ничем. Ведь то, что «у них», где традиции предпринимательства легитимные, называется «социальной ответственностью бизнеса», есть не что иное, как удобный с точки зрения PR способ минимизации издержек фирмы. Если фирма устраивает коллективные завтраки, походы куда-то, строит детские сады, то так для нее просто дешевле за счет эффекта масштаба, чем платить за это каждому работнику. А вот внешний эффект получается такой, что бизнес не только платит налоги, но ещё и демонстрирует социальную ответственность! Получается двойной эффект и, естественно, это используется очень активно.

Если с этой точки зрения подойти к нашей ситуации, то получается, что то, что мы называем «социальной ответственностью бизнеса», есть некая действительно дополнительная плата за то, чтобы легитимизироваться. Я к тебе хорошо отношусь — и ты ко мне хорошо относишься; я тебе, скажем, «бесплатный» завтрак даю — и ты меня не обижай. Путь естественный. Вопрос в том, насколько он продуктивен. Является ли этот путь в нашей стране способом «политологической» легитимизации, то есть убеждения адресата правил в том, что правила правильные? В краткосрочном периоде, вероятно, — да. А в долгосрочном, безусловно, — нет. Ведь такого рода способ легитимизации предпринимательства в не приемлющей его среде всего лишь усиливает отношение к нему как к чуждому: «Он только о деньгах думает, вот он и откупается от меня». Ведь раз откупается — значит, действительно думает только о деньгах, что с него взять? Значит, в долгосрочном периоде — это путь, ведущий в никуда, если оценивать его с точки зрения обеспечения перспектив позитивного восприятия предпринимательства в обществе.

Фото Л. Панкратовой

В. Л. Тамбовцев

Поэтому сегодняшний стиль разговоров про социальную ответственность бизнеса, так, как это ведется в прессе, в обществе, — путь, губительный для самого бизнеса. Губительный в плане его инкорпорирования в широкий социальный контекст. А вот то, о чем говорил Александр Александрович Аузан, а именно вытеснение бизнесом государства из сферы производства общественных благ, — этот путь продуктивный.

Посмотрите, что получается. Недавно по телевизору, по-моему, по московской программе, промелькнул сюжет: где-то в Новгороде или Новгородской области, условно говоря, Чубайс, т.е. местное отделение РАО ЕЭС, взял и построил хорошую котельную. Там была форменная развалюха, а он построил современную котельную. Как вы думаете, как этот факт был воспринят населением? Как негативный! Почему? Да потому что Чубайс — «нехороший человек»: котельную-то построил, а вот муниципальные тепловые сети не заменил. Так что, все равно нехороший. Поэтому путь такого рода, как этот — путь частичных откупаний, — непродуктивный.

А вот, так сказать, полноценное комплексное «вытеснение» государства, т.е. замещение государства в сферах, где оно плохо срабатывает, и организация коллективного действия не только предпринимателей, но

и граждан, с тем, чтобы эти блага производились, — такой путь позволит показать, что проблема может быть решена комплексно.

В случае с котельной это означает, что соответствующая компания должна была бы, вероятно, просто взять на баланс весь поселок. И вот тогда горожане поняли бы, что власть-то у них больше не советская, а власть, условно говоря, корпоративная, но жить-то при ней хорошо.

С. П. Капица

Спасибо за Ваше сообщение. Мне кажется, важно, что Вы тоже сказали об ответственности и взаимоотношениях между обществом и предпринимателями. На мой взгляд, неформальные, неденежные взаимоотношения очень существенны. Как раз только что мне А. И. Потемкин сказал, что человек, зарабатывающий миллиарды, променял бы свой миллиард на какое-нибудь почетное звание какого-нибудь университета или на другую почетную награду.

Реплика из зала

Если у него много миллиардов.

С. П. Капица

Да, если у него много миллиардов, но это неважно. Общество устроено сложно. Всякие почетные звания и пр. — такая иерархия существует и в академических, и в военных, и в дипломатических кругах. Общество умеет это делать, это вырабатывается традициями, и опыт показывает, что как правило это определяется вовсе не деньгами. Например, если человек получает Нобелевскую премию, то для него звание нобелевского лауреата важнее денег за премию для положения в обществе и внутреннего самоощущения. Об этом мне хотелось бы сказать, подводя итог очень интересному сообщению Виталия Леонидовича.

Сейчас я хочу дать слово Светлане Геннадьевне Маковецкой, программному директору Института национального проектирования «Общественный договор».

С. Г. Маковецкая

Я хотела бы поговорить о малом предпринимательстве. До последнего времени я была директором провинциального Уральского агентства поддержки малых и средних предприятий (г. Пермь) и сама предприниматель. Тезис, звучащий в программе дискуссии как спорный, но на котором настаиваю: малое предпринимательство – линия обще-

ственной самообороны. Оговорюсь сразу, что не предполагаю сделать какой-либо теоретический вклад в наше обсуждение.

Традиционный взгляд на малое предпринимательство — это взгляд на частушку в три аккорда, соседствующую с крупным полифоническим произведением, и считается, что гораздо драматичнее обсуждать проблемы бала дебютанток или спор Чубайса с Газпромом, но, конечно же, не малый бизнес. Поэтому то, о чем я буду говорить, — облегченный вариант традиционного и, может быть, отчасти нового взгляда на принципиально важные для общества возможности, связанные с малым предпринимательством и его специфической ролью.

Итак, традиционный подход связан с тем, что предпринимательство вообще, и малое предпринимательство в частности, особенно в российской глубинке, или, как у нас во власти говорят, «на местах», — это решение проблем конкретного человека независимо от государства, не за счет государственного бюджета. Решение проблем, связанных с тем, о чем только что говорили: новые рабочие места, новые товары, новые услуги и т.д. В этом смысле для отдельного человека малый бизнес — линия гражданской (негосударственной) самообороны.

С другой стороны, развитие малого предпринимательства — это возможность гармонизировать среду. Гармонизировать и с точки зрения как выжить человеку в городе, где единственное существующее предприятие выпускает шагающий экскаватор — естественно, нужно много маленьких иных производств, выпускающих, скажем, скамейки, пончики и т.д. И с точки зрения, что кому-то нравятся кухонные гарнитуры, выпускаемые десятимиллионными партиями, а кому-то нужна сосновая табуретка. Этот кто-то воспринимает сосновую табуретку как необходимый элемент гармонии в его среде — и этим тоже занимается малое предпринимательство.

Наконец, традиционный подход к роли малого бизнеса в жизни общества связан еще и с тем, что малое предпринимательство — это возможность выравнять территориальные асимметрии. Получается, что малый джентльменский набор производств, необходимых не вообще для страны, а для конкретного местного сообщества, формируется чаще всего усилиями мелкого и даже мельчайшего бизнеса. Это один вариант.

Другой вариант находится, если хотите, в нетрадиционной плоскости. С моей точки зрения, малое предпринимательство — это возможность решения задачи депроvincialизации России. Потому что первые компьютеры, модемы и т.д., появились в самом отдаленном

Ж клуб

Нижинский

Фото Л. Панкратовой

С. Г. Маковецкая

российском уголке за счет малого бизнеса. И всякие другие вещи, например, первое свадебное платье «как у принцессы», шитое в местном салоне и воспринимаемое как прорыв в общемировую, столичную жизнь, возникло в каком-нибудь городке Добрянке Пермской области, — естественно, не за счет того, что Чубайс построил там котельную, хотя он там её построил. Нетрадиционные, новые цивилизованные предметы, товары и пр., которое получает провинциальное сообщество прежде всего за счет инициативы малого предпринимателя, делает его (сообщество), возможно, особенно заинтересованным в развитии малого бизнеса.

Далее. Мне кажется, в ближайшее время мы в России столкнемся с серьезной проблемой и, может быть, особенно для интеллигенции. Она связана с тем, что нам крайне важно сохранить возможность существования любого разнообразия и любой инаковости. Особенно ког-

да происходит унификация и строительство единообразного во всем. Именно малый бизнес создает рыночное, экономическое разнообразие. И если инакомыслие — это технология прорыва, а России нужны технологии прорыва, то малое предпринимательство — это рыночное инакомыслие. Поэтому обществу крайне важно развитие малого предпринимательства.

О возможности социальной коммуникации. Мы живем в обществе, в котором человек не доверяет другому человеку, не доверяет государству, поэтому крайне важно сохранять возможность социальных коммуникаций. И эти социальные коммуникации тоже создает малое предпринимательство — тем, что организует места, где люди встречаются и разговаривают. Ведь люди не разговаривают в гипермаркетах, они разговаривают в парикмахерских, в маленьких булочных, разговаривают с сапожником и т.д. — это один ракурс. Другой — возможность не выключения из социального общения (не маргинализации) существующего в мелком бизнесе слоя вынужденных предпринимателей. «Три сестры» и «дядя Ваня», которые сегодня привозят из Турции люстры, а завтра вяжут и продают валенки, потому что работать негде, а жить надо, — это вынужденный бизнес, который никогда не станет ни поставщиком для крупной промышленности, ни шагом к среднему бизнесу. Но это самое социальное в экономическом и самое экономическое в социальном. И общество выигрывает, что существует такая возможность обмениваться проблемами и решениями.

Наконец, создание некоторой успешности. Мне кажется, что малое предпринимательство, малый бизнес создает возможность для массовой минимально приемлемой успешности. У нас в стране неуспешны учителя, у нас неуспешны чиновники, у нас кто угодно неуспешен. Но в целом в местном сообществе мелкий предприниматель — человек более или менее успешный, по крайней мере, не «голая сирота». Хотя я не знаю, соответствует ли это выводам исследования, о котором мы сегодня слышали.

Есть ещё один ракурс. Мне кажется, что малый бизнес чрезвычайно важен для общества ещё и потому, что он соразмерен человеку. Соразмерен и комфортен в мире, в котором человек непрерывно сталкивается с вещами и проблемами, которые ему непонятны. Непонятно, как можно, чтобы разом погибали тысячи людей в протараненном самолете небоскребе, и как летать в самолете после 11 сентября, и что с этим делать. Непонятно, что такое миллионы кубометров и миллиардные доходы и т.д. А малый бизнес человеку соразмерен, как любая малая городская фор-

ма, как скамейка в городе соразмерны человеку. А при всем моем уважении к скульптуре «Родины-матери» в Волгограде — она человеку не соразмерна. И в этом агрессивном, деформированном мире крайне важно сохранять возможность комфортного существования.

Да, малый бизнес хищнически расходует человеческие ресурсы, но он понятен, и в этом смысле сохраняет остатки здравого смысла в падающей действительности.

Ещё одно, о чем я хотела бы сказать. Малый бизнес хорош тем, что дает возможность использовать с трудом выживающие, старые формы обучения человека. Это стажировки неопытных, молодых специалистов и т. д., у которых еще нет трудовых книжек. Это формирование навыков не на корпоративных тренингах, а наставничеством «из рук в руки». Все это крайне важно для общества, для трудовой культуры — и дает это малый бизнес.

И последнее. Мне кажется, что создание условий для развития малого бизнеса, если хотите, через общественное давление на власть, чтобы реализовать перечисленные возможности малого бизнеса и поддерживать такую теплую, «разношенную», пусть неправильную, но удобную, как старые валенки, среду для человека, — это вообще условие гражданской, общественной, государственной вменяемости.

С. П. Капица

Спасибо, Светлана Геннадьевна. Прежде всего хочу сказать, что мы в значительной мере обязаны Светлане Геннадьевне за подготовку плана сегодняшнего заседания, за что ей благодарны. А то, что мы услышали в ее выступлении, по-моему, представляет большой интерес. У малого бизнеса есть ещё одна функция: часто малый бизнес становится первой стадией большого. Это школа, в которой люди обучаются предпринимательскому делу, и этот человеческий план исключительно важен. Обучить бизнесу, как известно, трудно, а когда человек сам создает пусть небольшое предприятие, это действительно ощутимый вклад в формирование собственного опыта.

В том, что говорила Светлана Геннадьевна, речь, по существу, идет о социальных инновациях. Это тоже большой пласт инновационного процесса, развивающегося в формах малого бизнеса. А как бороться с обезлюденной формой общения в гипермаркетах, могу привести пример: у наших соседей по деревне (рядом с «Николиной Горой». — *Ред.*) есть супермаркет — мелкая лавочка, которая теперь называется «мини супермаркет».

А. К. Сорокин

Буквально два слова про малый бизнес в качестве реплики к выступлению С.Г. Маковецкой. Мне кажется, здесь лежит один из ответов на вопросы, прозвучавшие в целом ряде предшествующих выступлений. Если мы вспомним, что в развитых европейских экономиках малый и средний бизнес составляет 60-80% всей экономики, а в нашей – процентов 10, то поймем, что развитие малого бизнеса — это путь легитимации предпринимательства вообще, и вне этого контекста, мне кажется, решение этой проблемы просто невозможно.

С. П. Капица

По-моему, абсолютно точное замечание, которое акцентирует смысл нашей дискуссии. Потому что через малый бизнес мы идем к большому и к решению колоссальной проблемы занятости в стране.

Сейчас я просил бы выступить Сергея Ренатовича Борисова, президента общественного объединения «ОПОРА России».

С. Р. Борисов

Я представляю организацию реальных предпринимателей, которая объединяет малых и средних предпринимателей России. Я сам занимаюсь бизнесом 12 лет. За эти годы мне пришлось пройти по многим чиновничьим коридорам, чтобы собрать несметное количество согласований и разрешений. Всего я насчитал 2250 чиновничьих инстанций.

10 лет назад малое предпринимательство России достигло своего пика. Именно в 1994 г. после резкого рывка массы голодных, если так можно выразиться, до предпринимательства людей мы достигли отметки 870 тыс. малых предприятий. С тех пор эта цифра не изменялась. Почему?

Обратите внимание на данные опросов общественного мнения: 77 россиян из 100 не любят бизнесменов, с поправкой на то, что речь, конечно, идет о бизнесе олигархическом. Зато к малому и среднему предпринимательству они высказывают «скорее, хорошее отношение» – 42%; 38% опрошенных дали ответ «хорошо отношусь». 36% респондентов ответили, что склонности к предпринимательской деятельности не имеют, а 24% категорически заявили, что занятие бизнесом не для них. Сегодня о малом бизнесе практически не говорят. То, что говорится в коридорах власти, это, скорее, риторика — ведь ничего не происходит. Если мы откроем газету, то увидим, что речь идет в основном о круп-

Ж клуб

Никитский

Фото Л. Панкратовой

А. К. Сорокин

ном бизнесе, об их проектах, о склоках, о поглощениях. А о малом предпринимателе–созидателе, о котором абсолютно правильно говорила Светлана Маковецкая, практически ничего не говорится. Мы, конечно, пытаемся заинтересовать средства массовой информации, работаем с ними все более и более успешно, но этого очень мало. Поэтому у нашего гражданина и отношение к малому предпринимательству малое. Сейчас мы договорились с кинокомпанией «Новый русский сериал», известной выпуском криминальных сериалов, об открытии конкурса на лучший сценарий о малом предпринимателе. Я думаю, что это будет маленький вклад в популяризацию идеи малого предпринимательства.

Действительно, малый бизнес во всем мире признается. 50-60% вклада в ВВП – это факт. На тысячу жителей в Европе, в мире, в процветающих странах приходится примерно 30–40 малых предприятий.

Ж клуб

Нижинский

Фото Л. Панкратовой

С. Р. Борисов

У нас – 6, в некоторых регионах – 2 предприятия на тысячу жителей. Исключение составляют Москва и Петербург — порядка 20.

Зато нас сегодня активно призывают к социальной ответственности. Мы считаем, что сам малый бизнес, дающий рабочие места, платит налоги, — это уже социально ответственный бизнес.

Кому выгодно, чтобы предприниматель сегодня испытывал страх? Правильный вопрос задан организаторами этого заседания. Логика недобросовестного чиновника, который хочет создавать еще более невыносимые условия для малых предпринимателей, ясна. Ведь так ему легче выжимать свою административную, чиновничью ренту. При «ОПОРЕ России» действует Бюро по надзору за соблюдением прав предпринимателей, и я как член Комиссии по правам человека имею возможность передавать их данные в Комиссию. 90% жалоб в наше Бюро — это жалобы на местную власть. Поэтому административная реформа, которая

сейчас осуществляется и в которую мы так поверили на начальном этапе, должна дойти и в регионы — только тогда там действительно будут какие-то изменения.

Должен ли предприниматель дополнительно платить за право заниматься бизнесом? Выясняется, что должен. Сегодня малые предприниматели России фактически приходят к выводу, что в нашей стране действует запрет на профессию, запрет на возможность заниматься малым бизнесом. Потому что это невозможно без «входного билета», без того, что тебе дадут помещение, дадут лицензию или ещё что-то необходимое, не требуя взамен положить плитку или другого оброка. «Но сначала, — говорят предприниматели, — дайте мне заработать». «Нет, — отвечают чиновники, — сначала сделай «доброе дело», а деньги бери, где хочешь, хоть воруй».

На заседании в Торгово-промышленной палате с участием Президента РФ один из предпринимателей бил себя в грудь и говорил, что мы, Владимир Владимирович, столько-то построили детских площадок, столько-то хотим вложить средств в стадионы... А Президент в ответ спросил об уровне заработной платы на предприятии. Спросил о повышении образовательного уровня работников. И выступающий этот как-то сразу загрузил. Вот вам пример показухи, которая искажает самую суть социальной ответственности.

Я согласен с подходом Русской православной церкви к вопросам предпринимательства. В данном случае я говорю о Своде нравственных правил. Мы участвовали в разработке этого документа и считаем, что предпринимательству это действительно нужно. Иногда предпринимателю необходимо остановиться и сказать себе, что мое будущее только в справедливом выполнении правил игры. Но мы считаем, что если предприниматель возьмет на себя подобные обязательства, то одного этого будет недостаточно. Чиновник, любой государственный служащий тоже должен иметь подобный свод правил. Он должен давать клятву в том, что будет следовать им.

И, наконец, есть ли у нас связь с историей? Конечно, малый предприниматель не всегда имеет время для чтения исторических очерков, но исторические параллели он проводит. И есть опасения, что кое-что может повториться.

После реформы 1861 г. государство отпустило частное предпринимательство в свободное плавание по принципу «что не запрещено, то разрешено». Среди прочего в частные руки было передано право строитель-

ства и эксплуатации железных дорог. Но как только дороги были построены, окупили себя и стали приносить доход, власть решила вернуть их под свой контроль. Первой пала Ярославская железная дорога, принадлежавшая Савве Мамонтову. На его железной дороге были выявлены нарушения вроде «неправильной покраски будки смотрителя или перил ограждения». Под этим предлогом Мамонтов был посажен в тюрьму на многие месяцы, пока длилось следствие. В итоге он был разорен, его имущество за гроши ушло с молотка. Позднее суд полностью оправдал Мамонтова, но сам предприниматель, всеми забытый, окончил жизнь в нищете. Наверно, уместно напомнить об этом и сегодня.

С. П. Капица

Поучительные уроки для бизнеса в России. Я вижу, мало, что меняется за сотни лет.

Сейчас слово Елене Леонидовне Николаевой, руководителю Исполкома «Деловой России».

Е. Л. Николаева

Так получилось, что я представляю в этой аудитории организацию реального среднего бизнеса и хочу высказать точку зрения предпринимателя на поставленные вопросы. У меня непростая биография. Сначала я была студенткой Физтеха, где слушала Ваши, Сергей Петрович, лекции, за что Вам очень благодарна. Затем я занялась малым бизнесом, доросла до среднего, а потом меня пригласили работать в Администрацию Президента. Проработав четыре года в Администрации Президента, вернулась уже в общественную организацию среднего бизнеса. Так что я имела возможность наблюдать ситуацию, грубо говоря, сидя на разных стульях.

Мне хотелось бы рассмотреть предмет нашей дискуссии несколько в другой плоскости. На мой взгляд, затронутые сейчас вопросы касаются одного кластера проблем — проблем взаимоотношения общества и бизнеса. Но их нельзя рассматривать без участия третьей стороны — власти. И мы понимаем, что между бизнесом, обществом, властью существуют взаимопроникающие связи. Бизнес пытается воздействовать на власть и договориться о каких-то понятных правилах игры. Власть пытается использовать бизнес. Получается ли у бизнеса влиять на власть? Прямо — не получается (я не имею в виду всевозможные коррупционные схемы). Влияет ли бизнес на общество? Бизнес пытается заигрывать

с обществом. Бизнес понимает, что сейчас единственная форма воздействия на власть — через воздействие на общество. Это значит, что он хочет понравиться обществу, и отсюда меняется его манера поведения. Если на первом этапе, в 90-е годы, бизнес в принципе не рассматривал общество как сторону для переговоров и вообще как нечто, на что надо обращать внимание (для него важна была только власть: понятно, кому и сколько дать), то теперь бизнес переориентировался, и у него изменились приоритеты. Но и общество изменилось: оно начинает осознавать, что влияет и на власть, и на бизнес.

Будем откровенны: общество не любит бизнесменов. Общество не любит ни крупных, ни средних, ни, я вас уверяю, малых предпринимателей. Откуда это неприятие? На мой взгляд, все очень просто и абсолютно прозрачно. Мы 70 лет жили в совершенно другой структуре понятий. Мы жили в другой стране и в другой системе ценностей, поэтому невозможно требовать от общества быстрых перемен — правильного восприятия экономических постулатов и позиций предпринимателей, по своей сути, на самом деле не криминальных. Криминальна только очень малая часть предпринимательства.

Представление о предпринимателе в обществе как эксплуататоре у нас где-то в крови, и надо подождать, пока это забудется, пока наше прошлое перестанет давить на менталитет и самосознание. Зависть, присущая большинству населения по принципу «у соседа корова сдохла — мелочь, а приятно», все равно останется. И мы должны понимать, что предпринимателю приходится с этим считаться. Зависть останется — значит, необходимо сделать что-то, чтобы основная часть общества, невзирая на эту зависть к благосостоянию, на дифференциацию доходов, все-таки восприняла предпринимателей как локомотив экономики, как локомотив общества, а, следовательно, как локомотив для развития страны. Другого реального пути у нас нет.

Да, существует разрыв: дифференциация в доходах приводит к дифференциации понимания. Предприниматель не понимает забот обычного гражданина, не понимает, что значит не иметь, условно говоря, 10 рублей, чтобы купить буханку хлеба. А обычный гражданин не понимает забот предпринимателя. Поэтому проблема самоидентификации, проблема классовости, некий антагонизм в обществе существует. С другой стороны, бизнес уже движется к тому, чтобы «понравиться», — понравиться обывателю, понравиться обществу, но делает это, на мой взгляд, пока очень неуклюже.

Фото Л. Панкратовой

Е. Л. Николаева

Но главное, с моей точки зрения, — общество и власть должны понять, что бизнес сейчас является локомотивом среднего класса, что к бизнесу надо относиться не как к «дойной корове», на которой можно нажиться, а как к силе, способной развить экономику и увеличить совокупность среднего класса. Предприниматели, их служащие, люди, покупающие медицинские, образовательные услуги и т.п., вовлеченные в товарооборот, расширяют сферу среднего класса — таким образом становится более стабильной экономика. На мой взгляд, проблема ближайших четырех лет — как раз структурирование среднего класса. Он, средний класс, конечно, не будет у нас таким, как на Западе, в Америке, из-за определенной многоукладности общества и, следовательно, многоукладности среднего класса. Но локомотивом его все-таки был и будет бизнес. Именно поэтому общество не может существовать и развиваться без бизнеса, а бизнес без общества.

Я хотела бы сказать несколько слов про социальный контракт. Я абсолютно согласна с Александром Александровичем Аузаном в том, что социальный контракт необходимо выводить на уровень бизнеса и общества. Это должны быть некие договорные обязательства, но на добровольной основе.

С.П. Капица

Формальные или неформальные обязательства?

Е. Л. Николаева

И формальные, и неформальные. Хотя, честно говоря, мы среди членов «Деловой России» проводили такой опрос. Когда мы задавали вопрос о социальной ответственности бизнеса, то хотели прежде всего понять, как предприниматели понимают социальную ответственность бизнеса? По-разному. Некоторые говорят так: я плачу хорошую зарплату, оказываю какие-то медицинские услуги своим сотрудникам — и, слава Богу, хорошо, что они у меня хорошо живут, у меня на завод — очередь. С другой стороны, когда предпринимателям говорят о том, что необходимо ещё что-то сделать, это вызывает у них сопротивление. Но самое удивительное, что люди уже доросли до того, что делают это что-то самостоятельно. Когда мы пытались в личных беседах выяснить, что они делают и почему, то нам отвечали: «Понимаете, я это делаю не для пиара, я это делаю для себя. Да, действительно, я содержу детский дом, я построил столько-то храмов, но я делаю это для себя, а не для того, чтобы мне сказали, какой я молодец». Бизнес растет не только в денежном объеме, бизнес растет уже социально. Сознание предпринимателей как слоя, как класса серьезно выросло — об этом мне хотелось сказать.

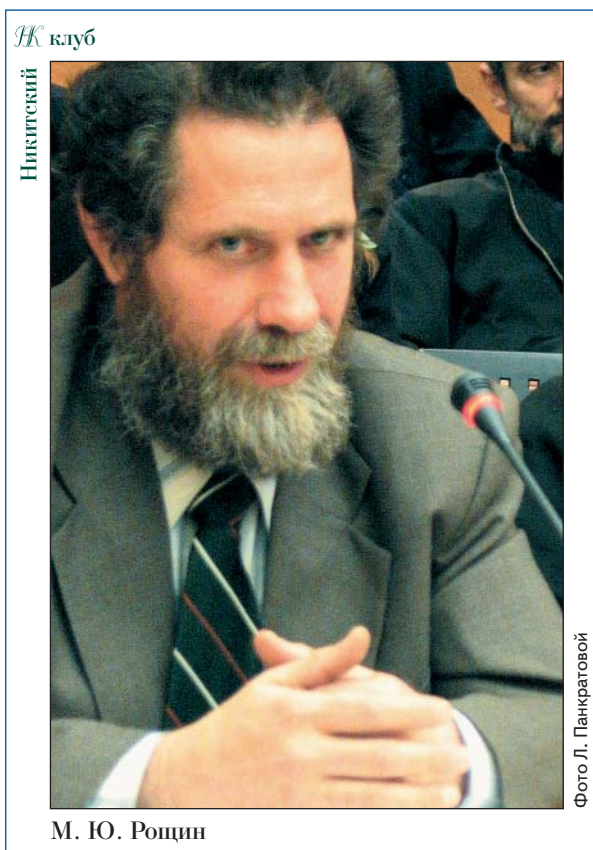
Что касается православных предпринимателей, — последнее время в предпринимательстве встречается огромное количество глубоко верующих людей. Для меня это было откровением, потому что мне казалось, что предприниматель и религиозность как-то не очень сочетаются. Мы много времени провели в беседах на эту тему, в том числе и в Клубе православных предпринимателей. На мой взгляд, это говорит о том, что наше общество начинает потихоньку выздоравливать, идти в нужном направлении. Наверное, это только первый шаг, и нужно сделать ещё много шагов. Это необходимо только приветствовать, и, дай Бог, у нас все получится.

С. П. Капица

Действительно, православная этика могла бы оказать большое влияние на российское предпринимательство. Староверы играли колоссальную роль в русском купечестве. Но об этом лучше расскажет Михаил Юрьевич Роцин, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института востоковедения Российской Академии наук.

М. Ю. Роцин

Я как раз думал о том, что старообрядцы приняли очень большое участие в российской промышленной революции XIX в. Значительная часть предпринимательского и купеческого класса России состояла из старообрядцев. Говоря о хозяйственном потенциале старообрядчества, необходимо помнить, что это была та часть русского общества, кото-

рая сохранила органику и цельность жизненных устремлений Древней Руси. В то время как новообрядческая Россия была духовно надломлена церковной реформой Никона и петровскими преобразованиями, старообрядческая Русь продолжала опираться на исконные православные ценности и многовековые культурно-хозяйственные русские традиции, органичной частью которых был опыт северных народоправств Пскова и Новгорода.

Процесс возвышения купечества характерен для различных согласий старообрядчества того времени. «В течение XIX века, и в особенности около времени освобождения крестьян, главные русские капиталы скапливаются преимущественно в руках последователей раскола. Почему именно в их руках? Потому ли, что они были даровитее других или потому, что они соединены были в одну экономическую общину? И помощь общины имела действительно большое значение. Многие из главных московских капиталистов получили капиталы, положившие основание их богатству, из кассы раскольничьей общины», — писал исследователь старообрядчества В. В. Андреев.

Быт и нравы уральских предпринимателей-старообрядцев XIX столетия прекрасно описаны Д. Н. Маминым-Сибиряком в его многочисленных романах и повестях, среди которых особенно выделяются «Приваловские миллионы». Один из главных героев романа старый промышленник-старообрядец Василий Назарович Бахарев говорит своему будущему зятю: «А денег тебе я ... не дам: научу делу — и будет с тебя. Сам наживай». Здесь, на мой взгляд, писатель уловил важнейший принцип, заложенный в традиционной системе старообрядческого воспитания, благодаря которому в новых поколениях успешно вырабатывалась способность смолоду вести самостоятельное дело.

Хотя, в общем, вероучительная основа и у старообрядцев, и у православных, как известно, одинаковая, но есть и существенная разница. Почему этические принципы православия для старообрядцев всегда были более важными? Это было связано с тем, что старообрядцы в практической жизни всегда их последовательно реализовывали, в то время как православные часто относились к ним формально. Говорят же: «Вот тут живут староверы, тут живут православные; одни мирские, другие христиане, потому что одни соблюдают, другие знают, но не соблюдают». Духовный кризис в России в XVII в., когда оформилось старообрядчество, вызвал огромный интерес к древнерусскому православному наследию. В старообрядческой среде он был необычайно силен, чего

среди православных, оставшихся верными официальной церкви (по старообрядческой терминологии «никониан») не было. У старообрядцев Иоанн Златоуст вновь засверкал всем многоцветьем своего красноречия. И в этом смысле можно говорить, что в старообрядческой среде православное учение пережило второе рождение и стало вновь жизненным и значимым, как и в классическое святоотеческое время.

В России не было протестантизма, но социальная роль старообрядцев во многом аналогична роли протестантов на Западе.

С. П. Капица

Спасибо, важное замечание. Действительно, наша церковь не реформировалась, а старообрядцы, как ни странно, обращенные к истокам веры, в каком-то смысле реализовали русскую реформацию.

Продолжая эту серьезную тему, я хочу попросить сказать несколько слов Александра Васильевича Антонова, старосту православной старообрядческой церкви «Храм Николы Чудотворца».

А. В. Антонов

Только что выступил мой единоведец Рощин, и я хочу ему возразить, поспорить с ним. Старообрядцы любили спорить. Веберовская парадигма, сравнение старообрядчества с протестантизмом давно запущена в сознание. На мой взгляд, такое сравнение поверхностно. У нас сегодня собрание по развенчанию мифов, что прекрасно делали предыдущие выступающие, и вот одним из таких мифов является аналогия между старообрядчеством и протестантизмом, с которой я не согласен. Уж, скорее, если вести речь об аналогиях, но тоже в качестве шутки, скажу о другом. Однажды я выступал в еврейском центре в Москве в связи с выходом еврейского выпуска журнала «Родина». Во время выступления я сказал: «В средиземноморской цивилизации есть только два народа, для которых, в какую сторону от крыльца выливать поганое ведро, является богословской проблемой. Это – евреи и русские старообрядцы». Евреи поняли и засмеялись. Скорее, какая-то тайна лежит в этом.

Одна патриотесса мне как-то сказала перед тем, как уехать в Америку, бросив своего православного мужа: «Вот вы и жида погубили Россию, у вас все деньги были в руках, и вы ненавидели царя-батюшку». После этого я задумался: а действительно, есть ли здесь аналогия? И она есть. Во-первых, есть и мистические аналогии, например, чувство обрядового благочестия. Как писал Антон Владимирович Карташов, крупный

Ж клуб

Никитский

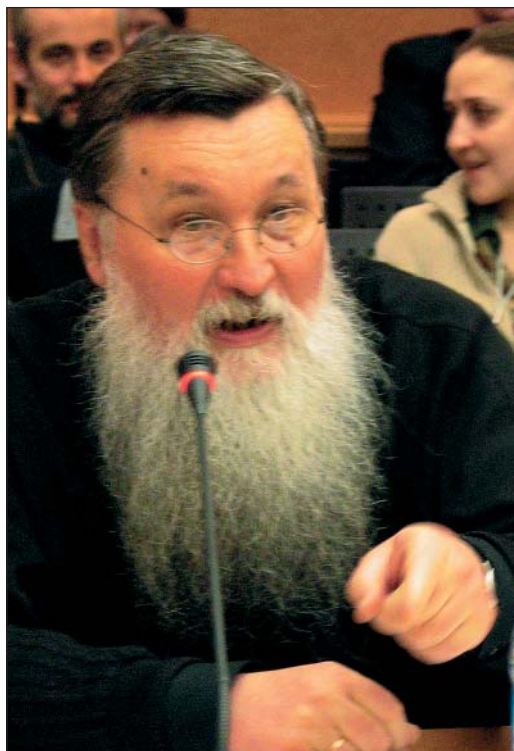

Фото Л. Панкратовой

А. В. Антонов

русский богослов, только у евреев Древнего Израиля и у русских старообрядцев было напряженное отношение к обряду благочестия. Но что оно дает?

Буду краток. Робертсон Смит, религиовед начала XX в., показал, что есть такие народы, у которых чем более напряженное единство в обряде, тем более на другом конце раскрывается потенция творчества. Если я знаю, как вилку и нож держать, я, беседуя с английской королевой, уже не думаю об этой вилке и ноже. Я знаю, как это делать автоматически, и я уже думаю о чем-то более высоком, понимаете? Когда с обрядом все в порядке, то на другом конце открывается огромный творческий импульс. Но поскольку старообрядцы, как и евреи, кстати, были гонимы в политической сфере, т.е. им нельзя было занимать, например, офицерские должности выше прапорщика, нельзя было занимать высокие государственные должности, нельзя было быть учителями и т. д., им ос-

тавалась экономическая сфера — и старообрядцы тут проявили себя. Впрочем, это только начало разговора. Благодарю за внимание.

С. П. Капица

Спасибо. Правда, религиозность и денежные дела иногда можно проиллюстрировать примером, который я слышал, из американской жизни. Один из крупнейших дельцов в Америке прославился тем, что каждый день приходил в церковь, по-моему, Святого Николая на Уолл-Стрит и сидел там целый час. Все говорили, какой он набожный и как он серьезно относится к своим религиозным обязанностям. Один из друзей как-то спросил его: «Скажи, я же знаю, что ты ни во что, кроме доллара, не веришь, почему ты каждое утро сидишь в церкви?». На что тот ответил: «Дорогой мой, это единственное место, где меня никто не беспокоит, и я могу подумать о делах».

Следующий выступающий — Даниила Борисович Дондурей, главный редактор журнала «Кино».

Д. Б. Дондурей

Я хочу немного заострить разговор в развитие обсуждаемой сегодня темы. Мне кажется, что у бизнеса есть очень мощный, эффективный, существующий в режиме самозаказа, обладающий колоссальным ресурсом противник. И это, конечно, не власть. И это не то, что сегодня называют словом «общество» и т. д. Это люди, которые профессионально занимаются интерпретацией реальности. Это интеллигенция, это авторы, редакторы, режиссеры — в общем, много моих товарищей, обладающих колоссальной властью. Властью, на мой взгляд, более эффективной, чем церковь, в том числе старообрядческая, и другие, поскольку речь идет не об охвате 4-6% населения, а о тотальном контроле над мировоззрением нации.

Сегодня уже говорили о том, что никакого положительного образа предпринимателя в стране нет. На эту тему проведена масса исследований — я не буду приводить примеры, это большой разговор. Действительно, общество не воспринимает предпринимателей.

Если вы посмотрите на главный продукт, с которым сталкивается население страны ежедневно, то согласитесь, что это, конечно, не походы в церковь, это не встреча с президентом Путиным и это даже не труд. Это просмотр телевизора, занимающий уже сейчас, как вы знаете, четверть всего времени бодрствования. Основные телевизионные фор-

Ж клуб

Никитский

Фото Л. Панкратовой

Д. Б. Дондурей

маты — новости, криминальные новости, сериалы и ток-шоу, которые смотрит примерно от 20 до 60 млн. человек за вечер каждый день. Чем наполнены эти сюжеты? Ничем из того, чем занимается общество последние 15 лет. В этих передачах вы никогда не услышите о ценности конкуренции, в них предприниматель в профессиональном смысле не будет показан в оптимистическом ключе. Он, может быть, хороший человек, но всегда бездельник, он всегда где-то взял деньги — украл, добыл, кого-то разорил или они ему достались «просто так» и т.п. — бесконечный мир феодальных и квазисоциалистических ценностей. Это образ человека, который никогда не связан с творчеством, никогда не связан с личным успехом на основе конкуренции, там нет защиты различного рода частных связей и т.д. Все то, что Голливуд с 30-х годов пытается внушить миру, в нашей медийной сфере просто запрещено. И на это нет никаких указаний из Кремля, указаний от КПРФ.

71 криминальная передача в неделю, где подробно рассказывается, что бизнесмены только преступники в любом своем действии, в любом своем мотивационном процессе, формирует массовое сознание. Ну что может любой из политиков сказать в новостях за доли секунды? А мифологические платформы строятся в стране ежедневно, часами. Особенно после 1995 года, когда телевидение получило гигантский ресурс рекламы, село на оптовую торговлю — и таким образом предприниматели финансируют негативные образы реформ, модернизаций и т. п. в России. За деньги бизнеса. И бизнес никак против этого не выступал. Против этого не выступает ни президент, ни кто-либо другой, поэтому мне такая ситуация кажется очень опасной. Сегодня у нас выходит пока 1000 серий в год, в следующем году, видимо, перейдем к 2000 сериям в год.

Криминальные новости, сюжеты основных программ — очень серьезная работа по своей технологии. Через новости контролируется то, что задает информационные стереотипы, — этим занимаются редакторы. Происходит гигантская цензура на позитив — мощная с середины 90-х годов, существующая до сих пор, несмотря на какие-либо усилия Кремля. Гигантская цензура — внутренняя, ежедневная — в любом сценаристе, пишущем сюжеты, редакторе, который отбирает и ставит сюжеты на полосы. Гигантская цензура на позитивную информацию, поскольку интеллигенция уверена, что реформы принесли народу страдания и, следовательно, всё должно демонстрировать эти страдания и, конечно же, отказ от каких-либо альтернативных точек зрения. В отличие от западного телевидения у нас не продемонстрируют 3-5 разных позиций, а будут искать только одну.

На нашем телевидении есть цензура на будущее. Мы не рассматриваем никаких моделей развития общества, нет передач, в которых можно было бы увидеть и сравнить позиции и программы тех или иных партий, правительства. Люди не понимают борьбы президента Путина за десятые доли роста ВВП — причем здесь ВВП для миллионов людей, которые приходят с работы и включают «ящик»! Выключить «ящик», вы знаете, люди не в состоянии. Когда К. Эрнст и многие другие теледеятели морочат голову тем, что «если не нравится, выключите телевизор» — абсолютная чепуха. Сегодня есть много исследований, результаты которых говорят, что у 54% населения включен телевизор, когда его никто не смотрит и даже никто не находится в той комнате, где он работает. А 78% населения включает его так же, как свет, воду, тепло. Это колос-

сальный ресурс. И, мне кажется, этого не понимают основные игроки, во всяком случае, я не видел серьезных дискуссий на эту тему. Вроде бы все выходцы из пионеров, комсомола, из КПСС и знают, что такое идеология — и вдруг все общественные институты делают вид, что этой проблемы нет.

Считают, что нет проблемы, но пусть посмотрят социологические исследования. Приведу некоторые данные. Январь 2003 года: только 14 % населения считают, что при коммунистах жилось бы хуже (данные ВЦИОМ). Март 2003: от 54 до 57% наших граждан положительно оценивают роль Сталина в истории страны (Фонд «Общественное мнение»). Июнь 2003: 77% опрошенных убеждены, что нужно пересмотреть итоги приватизации, 74% считают, что в России нельзя заработать деньги законно. В ноябре того же года только 19% хотели бы жить — это очень важно! — в обществе индивидуальной свободы и 81% предпочитали общество социального равенства; от 49 до 61% были убеждены, что Россия движется к тупику и т. д. По многим исследованиям, 76% населения считают, что цензура нужна немедленно, — может быть, это касается телевидения.

Это серьезные вещи, куда более серьезные, чем какие-либо другие, которые мы обсуждаем на тему предпринимателей и власти. Я не видел, чтобы бизнес-организации осознали это, пробовали как-то контролировать ситуацию, сделали бы это предметом общественного обсуждения и пытались бы привлечь к нему внимание власти. Какое удвоение ВВП при суперсоциалистическом сознании!

Я пытался радикализировать проблему. Сказать, что мне кажется совершенно не случайным, что ни один из сильнейших игроков из сферы интерпретации общественной жизни никогда эту тему не выносит на общественное обсуждение.

С. П. Капица

Вы затронули исключительно серьезную тему, Даниила Борисович. Когда меня спрашивали, что такое национальная идея, я говорил, в том числе и Президенту, что это то, что мы видим по телевизору, и ничего другого нет, что бы там ни писали идеологи и другие люди. Но, к сожалению, это дело, как говорится, схвачено мертвой рукой. Приблизительно то же самое, что Вы сейчас сказали, я говорил на Совете по культуре и искусству при Президенте, куда каким-то образом попал и высказал свою позицию.

К сожалению, такое положение дел, по-моему, мешает осуществлению программ того же Президента. Президент сказал, что мы должны идти по инновационному пути развития. Я пытался говорить об инновационной экономике, о своих передачах («Очевидное—невероятное» — *Ред.*). По времени её загнали за полночь, где её никто не видит и не слушает, и вообще тема науки исключена на нашем телевидении. Любое шаманство, любое колдовство находит выход на телевидение, кроме науки. В этом смысле мы абсолютно дичаем. Я говорил об этом в высоких аудиториях, включая Совет министров, но, как говорят, воз и ныне там. Если ситуация не изменится, то все, о чем мы сейчас говорим, мало перспективно.

Сейчас я хочу дать слово Кириллу Петровичу Елизарову, начальнику Управления по связям с общественностью компании «Интеррос».

К. П. Елизаров

Мне бы хотелось взглянуть на вопрос о предпринимателях с точки зрения человека, который лет 14 работает на стыке СМИ и бизнеса, т.е. именно в том пространстве, где и возможно формирование неких стереотипов, которые могут влиять на общественное сознание с помощью тех или иных инструментов. Так вот, представляя крупный бизнес, как ни странно, мне хочется сказать, что крупный бизнес за всю свою историю, российскую историю, совершенно бездарно провалил всё информационно-пропагандистское сопровождение своей деятельности. Потому что всю ельцинскую эпоху бизнес был озабочен совершенно другими механизмами и другими вопросами. У бизнеса был один зритель — Президент и узкая прослойка политической элиты. А информационное пространство использовалось совершенно бездарно. Оно использовалось либо негативно — для «наездов», для информационной войны; либо позитивно — для надувания щек перед конкурентами. Все воевали друг с другом, причем медиа-ресурсы на протяжении всего прошедшего периода были в руках бизнеса. Наши медиа-олигархи, с которыми непосредственно приходилось работать, проявили полное равнодушие к стратегии — стратегии позиционирования предпринимательства в общественном сознании.

Маленький штрих: термин «олигарх», с помощью которого бизнес так успешно, извините за грубое выражение, был «замочен» последнее время, на последних выборах, был внедрен в общественное сознание, закреплён и имплантирован именно руками бизнеса. Это негативная ок-

Ж клуб

Никитский

Фото Л. Панкратовой

К. П. Елизаров

раска, которую во время информационных войн использовала одна группировка, чтобы потопить другую. В результате этот же бренд власть использовала против того же бизнеса.

Что мы имеем сегодня? Сегодня предпринимательство — та же номенклатура, и кто не стал ею, либо вынужден будет стать, либо уйти из бизнеса. Поэтому бизнес сегодня не нуждается в каком-либо пиарсопровождении, потому что делать это не для кого и незачем. Теперь бессмысленна публичная деятельность, потому что никакой отдачи от этого практически нет. Мы все знаем, как успешно себя позиционировал ЮКОС и как это несколько ему не помогло.

Среди журналистов (опять же, не напрасно) циркулируют слухи о подготовке так называемого национального доклада, который в ближайшее время должен стать некоей идеологией отношения власти и

бизнеса на ближайший период. Слухов много — мы сейчас, как в советские времена, живем в основном слухами, и все они, кстати, противоречивые. Слухи, с одной стороны, о том, что премьер, будучи «пропитан» прозападными идеями в Брюсселе, с благословения, естественно, Президента поручил подготовить некий национальный доклад с точки зрения норм и стандартов мирового корпоративного управления. Другие источники утверждают, что после подготовки этого доклада все эти цивилизованные нормы могут быть оформлены в виде некоего закона. На базе ли переделанного кодекса корпоративного управления, который носит чисто рекомендательный характер, либо ещё в каком-то виде, но это будет некое основание для новой идеологии передела собственности. Потому что если ты не соответствуешь заявленным стандартам корпоративного управления, то, будь любезен, либо перестраивайся, чего тебе не дадут сделать, либо передавай бизнес по наследству.

Поэтому хочется сказать, что сейчас у крупного бизнеса совершенно нет никакого интереса к какому-либо позиционированию в общественном сознании, потому что, ещё раз скажу, это бессмысленно и бесполезно. И это печально.

С. П. Капица

Спасибо. По-моему, то, что Вы сказали, очень поучительно и отражается на состоянии дел.

Сейчас я хочу попросить выступить посла по особым поручениям МИД Вадима Борисовича Лукова. Вадим Борисович, к сожалению, покидает ряды нашего Клуба, но я уверен, что он всегда будет интересоваться нашими делами, даже после того, как примет пост посла России в Бельгии.

В. Б. Луков

Уважаемые коллеги, действительно, я в последний раз участвую в заседании Клуба.

Хотел бы привлечь ваше внимание к новым проблемам в сфере бизнеса и деловой этики, которые мы, к сожалению, во многом ещё обсуждаем и воспринимаем на старый лад. При этом постараюсь сформулировать не только сами эти проблемы, но и пути практического их решения. И, наконец, позволю себе два замечания полемического характера.

Итак, первое — о новых проблемах, которые мы, по-моему, воспринимаем на старый лад. Если посмотреть на проблемы российского бизнеса в международном контексте, то можно увидеть, что нарастание этических и правовых проблем западного бизнеса явно недооценивается нашими предпринимателями, гражданским обществом и значительной частью нашего чиновничества, что порождает серьезные проблемы практического и социально-психологического плана.

Общество и заметная часть бизнеса по-прежнему исходят из идеализированного, завышенного представления о стандартах ведения дел западными партнерами. Отсюда — недооценка потенциального, а часто и вполне реального ущерба для российского бизнеса за границей в условиях деградации морально-этических норм западного бизнеса. Отсюда же — комплекс, я бы сказал, самоуничтожения у части наших предпринимателей, который умело используют западные партнеры для получения конкурентных преимуществ.

Конкретизирую свои выводы на основе наблюдений за действиями международного и российского бизнеса за рубежом, а также на основе впечатлений, которые я получил во время конференции «Этика бизнеса», проводившейся под эгидой Министерства иностранных дел Британии в октябре прошлого года.

Начну вот с какого наблюдения. В октябре 2003 г. Е. М. Примаков любезно пригласил меня наряду с другими экспертами принять участие в заседании так называемого Совета взаимодействия — неформального «клуба» бывших глав государств и правительств различных стран мира. И вот во время московской встречи этого Совета мне довелось быть свидетелем сугубо неофициальной дискуссии о проблемах западного бизнеса, в которой участвовали бывшие премьер-министры Австралии, Германии, Японии, министры иностранных дел Франции и Италии. Должен сказать, что многие из них высказывали резкие оценки нынешних нравственных, этических стандартов современного западного бизнеса, которые прямо перекликались с мнениями об отечественных предпринимателях, прозвучавшими только что в этом зале.

В чем причина нарастания проблем в среде западного предпринимательства? Я бы указал на следующие.

Во-первых, в 90-е годы высший управленческий эшелон корпоративного бизнеса Запада из наемных служащих превратился во многих странах в крупного держателя акций, что ослабило контроль

со стороны акционеров и чувство ответственности менеджеров перед ними.

Во-вторых, следует признать, что в начале прошлого десятилетия на Западе поднялась волна общественной эйфории, связанной с победой рыночной модели экономики в историческом споре с социалистической моделью хозяйствования. И это породило у многих представителей западного бизнеса, я бы сказал, менталитет победителей, главной чертой которого стало ощущение «всемогущества» западного предпринимателя. Отсюда – прямая дорога к самоуспокоенности, зазнайству, а порой и к уверенности во вседозволенности этого «поколения победителей». В результате, как отмечали некоторые эксперты на упомянутой мною международной конференции по проблемам этики бизнеса, нынешнее поколение корпоративных менеджеров в значительной части не дотягивает ни в этическом, ни в деловом плане до тех задач, которые сейчас встали перед западным деловым миром в условиях резкого обострения конкуренции с восточными партнерами.

Тревожит и то, что ни западные правительства, ни сам бизнес, увы, пока не извлекли достаточно радикальных выводов из корпоративных скандалов последних лет. Руководители компаний стремятся пока лишь минимизировать издержки, которые несут для них новые меры административного и финансового контроля, введенные правительствами после «дела Энрон» и шлейфа последовавших за ним разоблачений случаев мошенничества в Старом и Новом свете. А вот сама этическая концепция ведения дел выводится за рамки «работы над ошибками».

Каковы реальные опасности и риски для отечественного бизнеса, порождаемые этим новым этапом развития западного предпринимательства?

Первое, на что я обратил бы внимание. В условиях, когда прибыльность большинства западных корпораций многие годы падала из-за стагнации западной экономики, появилась тяга к искусственному взвинчиванию стоимости акций. Это глубинная, на мой взгляд, причина появления «дела Энрон». Оно было только верхушкой айсберга, такой же практикой занималось множество компаний.

Второе: биржевые злоупотребления превращаются в тенденцию, а из неё в хроническую болезнь западных рынков, на которых обращаются крупные пакеты акций ведущих наших корпораций и где действуют крупные российские инвесторы. Самый скандальный пример в этой сфере – деятельность Грассо, бывшего директора нью-йоркской

Ж клуб

Никитский

Фото Л. Панкратовой

В. Б. Луков

биржи. Характерная деталь: когда руководство биржи представило Федеральной комиссии США по ценным бумагам доклад на 1200 страницах о финансовых злоупотреблениях Грассо, то биржевики настояли на том, чтобы в СМИ этот доклад не передавать. Мотив был избран элегантный: «для сохранения мировых лесов». Упоминаю об этом эпизоде для того, чтобы поставить в международный контекст справедливую мысль, высказанную г-ном Дондуреем: в то время как у нас в СМИ буквально смакуется всевозможный негатив, связанный с отечественным бизнесом, на Западе подобная информация целенаправленно микшируется, отодвигается на задний план во имя сохранения «деловой репутации» бизнес-элиты и даже целых государств.

Третье: массовый характер приобрели злоупотребления оффшорными зонами, которые превратились в гигантский «плюс» современной

мировой финансовой системы. Лишь один пример. В прошлом году в оффшорную зону Люксембурга было переведено вкладов на сумму 126 млрд. долларов. Это более чем в два раза больше, чем приток прямых иностранных инвестиций в США! А вот в каких целях используются эти средства — тайна за семью печатями даже для столь мощных спецслужб, как ФБР. Не случайно руководство этой организации постоянно выступает за ослабление режима секретности деятельности оффшорных зон, который ощутимо мешает бороться с международным терроризмом.

Следующая угроза — распространение практики нелегального (как минимум, неэтичного) использования инсайдерской информации при заключении биржевых сделок и контрактов. Подобная практика наносит серьезнейший ущерб и нашему бизнесу, и государственным интересам.

Наконец, растущую опасность приобретает деятельность глобальных по размаху инвестиционных и пенсионных фондов стран Запада, которые все активнее разворачиваются на нашем внутреннем рынке. Конечно, огульно бросать тень на все фонды недопустимо. Однако к фактам разоблачения мошеннической деятельности ряда таких организаций следует относиться с повышенным вниманием, поскольку от их недобросовестной практики страдают порой миллионы мелких вкладчиков, теряющих все свои сбережения.

О наших проблемах. Вы упомянули, Сергей Петрович, о масштабах недокапитализации нашей экономики. Сошлюсь на мнение Дж. Дипьяццы — генерального директора одной из ведущих аудиторских компаний «Прайсуотерхаус энд Куперс». Он считает, что только непрозрачность и низкое качество бухгалтерской отчетности российских компаний обходятся нашим фирмам в 150 млрд. долларов недополученной рыночной капитализации.

Кстати, о самих аудиторских компаниях. Есть ещё одна новая для нашего и международного бизнеса проблема, связанная с тем, что такие компании все больше превращаются из честных брокеров в пристрастных судей. Пристрастных, потому что очень часто их владельцы или ответственные сотрудники имеют крупные пакеты акций тех фирм, которые они обслуживают. В результате ведущие аудиторские фирмы управляют теперь имиджем не только отдельных корпораций, но и — косвенно — целых государств. И это серьезнейшая проблема, увы, не изжитая после скандала с аудиторской фирмой «Артур Андерсен».

Как защитить наш бизнес, мелких вкладчиков и само государство от этих новых угроз и рисков?

Первое: остро необходим закон о лоббизме в Российской Федерации, который отделит легально дозволенную деятельность частного предпринимателя в отношении государства и его представителей от того, что не разрешено. Такой закон давно действует в США и сыграл определенную роль в борьбе с коррупцией — бичом отечественного бизнеса.

Второе: следует как можно скорее ратифицировать Конвенцию ООН о борьбе с коррупцией. Россия была в первой волне подписавших эту конвенцию 6 декабря 2003 г. вместе с остальными членами «восьмерки». Теперь свое слово должен сказать наш парламент.

Третье: необходимо последовательно бороться с практикой двойных стандартов, применяемых до сих пор западными правительствами и банками при рассмотрении запросов о возврате в нашу страну незаконно вывезенных капиталов. Сохранение этой практики дает удобные возможности нечестным, а то и явно криминальным предпринимателям, прикрываясь тогой политических беженцев, сохранять финансовые рычаги влияния и на международную среду, и на внутрироссийскую ситуацию.

Четвертое: с учетом негативного опыта бизнеса последних лет, в том числе и российского, исключительно важно разработать новый документ Организации экономического сотрудничества и развития о принципах корпоративного управления.

И, наконец, необходимы, на мой взгляд, международные кодексы поведения руководства и персонала фондовых бирж, аудиторских и рейтинговых агентств.

Думаю, что все эти меры вполне по силам и в рамках большой «восьмерки», и в рамках СНГ и Шанхайской организации сотрудничества, причем Россия могла бы сыграть роль лидера на евразийском пространстве.

И последнее — в порядке полемики.

О социальной ответственности корпораций: в целом я разделяю здоровый консерватизм профессора Тамбовцева, который в общем-то камня на камне не оставил от общепринятой сейчас западным корпоративным миром концепции социальной ответственности. Пожалуй, лучше всего это кредо изложил ещё Теодор Рузвельт в начале прошлого века, сказав, что честное ведение бизнеса сделало бы благотворительность, читай, социальную ответственность корпораций, излишней. Но в то же

время могу сказать, что этот взгляд сейчас разделяется лишь меньшинством предпринимательского класса Запада и, как я понимаю, крупного бизнеса России. Мы, наверное, должны все-таки пройти через этап усиленной корпоративной социальной ответственности, чтобы выйти на какой-то средний, нормальный режим взаимодействия бизнеса и гражданского общества

О соотношении христианской и деловой этикой. Могу порадовать уважаемых представителей православного духовенства, присутствующих здесь: протестантизм напрасно претендует на роль главного арбитра в вопросах корпоративной этики. Об этом свидетельствуют мои, так сказать, исторические изыскания в порядке подготовки к командировке в Бельгию. Бельгийский капитализм, один из древнейших в Европе — с XIII в. — благополучно развивался без всякого протестантизма. Более того, именно дух предпринимательства во многом сформировал этику протестантизма, которая затем была поднята на щит как кредо капитализма. Напомню, что присутствовавший здесь год назад г-н А. Кончаловский с жаром нам доказывал, что надо отказаться от православия и ухватиться за протестантизм, чтобы оздоровить наше общество, создать предпринимательский класс. Ничуть не бывало! Не поможет — и это, как минимум.

И последнее, Сергей Петрович. Я хочу поблагодарить лично Вас за столь мастерское, талантливое ведение всех заседаний Клуба, в которых я участвовал и от которых получил глубокое интеллектуальное удовольствие. А уважаемых членов Клуба благодарю за мысли, которыми они меня обогатили. Рассматриваю себя не только как будущего посла России в Королевстве Бельгия, но и с Вашего разрешения, Сергей Петрович, как полпреда Никитского клуба в этой стране.

Спасибо за внимание.

С. П. Капица

Ваше выступление нужно было бы сделать последним — тогда мне не надо было бы ничего говорить в заключение заседания.

Вы подвели международную платформу к тому, что мы говорили в отношении нашей страны, и это расширило контекст обсуждения. Бизнес, когда вы его близко рассматриваете, представляется довольно странной вещью. Я был как-то участником Давосского форума — как раз тогда, когда наш бизнес там только появился. Можно много рассказать об этом отдельно, но, пожалуй, не буду, достаточно этой реплики.

Сейчас слово Владимиру Сергеевичу Автономову, декану экономического факультета Высшей школы экономики.

В. С. Автономов

Два слова о мотивации и этике предпринимательства в связи с тем, что Сергей Петрович сказал в начале. Мне кажется, это были очень существенные слова. Экономисты привыкли рассматривать феномен предпринимательства глазами Йозефа Шумпетера, великого австрийского экономиста, написавшего в 1911 г. труд под названием «Теория экономического развития». Шумпетер отделяет, так сказать, два идеальных типа: капиталист и предприниматель. Капиталист — это существо, действительно зарабатывающее деньги и интересующееся деньгами. Например, человек, который играет на бирже, имеет деньги, имеет акции какой-то компании, соответственно получает денежные доходы. Предприниматель, напротив, — это человек, который придумывает и реализует нечто новое, а именно: изобретает новые товары, новые технологии, осваивает новые рынки и т. д.

Ясно, что иногда эти ипостаси соединяются в одном человеке, но часто и не соединяются. Когда человек изобрел что-то новое, — например, новую технологию копировальных машин, — он становится предпринимателем. Потом, когда он эти копировальные машины тиражирует, он перестает быть предпринимателем и становится обыкновенным управляющим, а отчасти и капиталистом. Мотивы у этих двух идеальных типов совершенно разные. У капиталиста — накопление денег. У предпринимателя — либо создание империи, как пишет Шумпетер, стремление к власти, стремление победить в соперничестве с другими и с самим собой и, наконец, удовольствие от самого процесса деятельности. С тех пор эти мотивы неоднократно подтверждались и социологическими обследованиями. Предпринимателям они, действительно, свойственны: деньги им нужны, но скорее для расширения их деятельности, чем как конечная цель. Вальтер Ратенау, который был не только министром иностранных дел, но и знаменитым предпринимателем, сказал, что настоящий предприниматель никогда не стремится только к деньгам — только к прибыли.

Как в связи с этим выглядят наши предприниматели? Да так же, как и писал Шумпетер, — они вполне укладываются в эту схему. Они тоже изобретают новое, изобретают новые комбинации, новые конфигурации. Но они изобретают их там, где это обещает наибольшие выгоды, а

В. С. Автономов

именно во взаимоотношении с государством. Взаимоотношения с государством позволяет получить льготы, кредиты по каким-то смешным ценам, различные преференции, поддержку в залоговых аукционах и т.д., и т.п. Естественно, что российский капитал идет именно туда, где он получает наибольшую отдачу, и совершенно глупо и неуместно критиковать российский бизнес.

В этом смысле Чичиков тоже был типичным российским предпринимателем. Не иначе, Гоголь долго думал, как охарактеризовать Чичикова, и, наконец, изобретает слово «предприниматель». В «Мертвых душах» есть целая страница, посвященная именно образу предпринимателя. Чичиков — это типичный российский предприниматель, который жил за счет несовершенства российских законов. И я считаю, это совершенно естественно, поскольку в обществе, где государство является, в общем-то, самодержавным и существуют такие традиции, извлечение дохода, удовлетворение самим собой и т.д. происходит через взаимоотношения с государством.

Два слова по поводу этики. Ньютон Фридман, нобелевский лауреат, сказал, что социальная ответственность бизнеса заключается в том, чтобы максимизировать прибыль. Это достаточно цинично, это силь-

ное преувеличение. На мой взгляд, это преувеличение, потому что все-таки фирме, предпринимателю необходима и некая деловая этика. Но этика бывает двух видов. Бывает этика добродетелей и этика правил. Бывает этика такая: будь хорошим! Она, в принципе, не обязательна для рыночной экономики. Если ты сам по себе человек плохой, но соблюдаешь законы – это нормально. Рынок может существовать и при таких людях. Но вот соблюдать правила, соблюдать законы на самом деле необходимо — и без этого никакая рыночная экономика существовать нормально не может. Об этом ещё Адам Смит писал, поскольку человеку свойственно, стремясь к своим интересам, ущемлять интересы себе подобных.

Опять-таки, как эта ситуация выглядит применительно к российской почве? Законопослушность не присуща нашему бизнесу, как не присуща она и всему нашему обществу, поскольку законы никогда не играли в России сколько-нибудь существенной роли. Они иногда, может быть, существовали, но ясно было, что применение их было таким же избирательным, как и сегодня. Всегда власть решала, к кому применить закон, к кому не применить закон, и трудно было бы требовать чего-то иного от предпринимателя. Таким образом, получается, что все, так сказать, родимые пятна российского бизнеса (а при всем несовершенстве бизнеса западного должен сказать, что все-таки здесь нам хвалиться пока нечем) я могу вывести из квазисамодержавного характера нашего государства. Даже когда наше государство как бы слабое, оно все равно остается самодержавным. Бывали и слабые самодержцы, вроде Федора Иоановича, тем не менее, эти слабые самодержцы раздавали фаворитам земли, как сейчас они раздавали отрасли, предприятия и т. д. Это все шло опять-таки сверху.

Я хочу закончить ссылкой на замечательный документ, который недавно был опубликован в «Новой газете» и принадлежит Михаилу Юрьеву (депутат Госдумы — *Ред.*), — такой манифест «Закрытая Россия»: надо закрыть Россию и построить рыночную экономику. Не выйдет. Потому что в закрытом обществе и рыночной экономике предприниматели будут стремиться к той сфере деятельности, которая даст им наибольшую выгоду, а именно — дружить с властью. Не будут они изобретать новые блага, не будут изобретать новые технологии. Они с большим толком и с большей пользой для себя вложат свои силы и средства в получение ренты от государства.

С. П. Капица

Спасибо, Владимир Сергеевич. Я очень ценю Ваше трехтомное издание трудов Шумпетера. Это книги, которые не очень легко читать, но они могут многому научить. Я Вам благодарен за то, что Вы издали эти труды на русском языке и подарили их мне в прошлом году. Это расширило мой диапазон мышления. Вообще, Шумпетер, конечно, один из самых интересных экономистов, наверное, наряду с Кейнсом — они как бы дополняют друг друга.

Теперь слово Виктору Борисовичу Кувалдину, исполнительному директору круглого стола «Экспертиза» при Фонде Горбачева, издавшего, кстати, книгу «Грани глобализации», в которой представлена интересная сводка мнений по этой проблеме.

В. Б. Кувалдин

Сергей Петрович, не хотелось бы, чтобы Ваши призывы обсудить тему возможности перехода России к инновационной экономике остались втуне. Сегодня этого разговора не получилось и, по-моему, это закономерно. Нужно специальное заседание, нужен специальный доклад. Особенно сейчас, поскольку, как мне кажется, именно сегодня открылись определенные возможности для России — и экономические, и политические. Не хотелось бы, чтобы эти возможности мы использовали так же бездарно, как, скажем, в 70-е годы. Здесь, по крайней мере, можно было бы поучиться, в том числе и у людей, и у стран, на которые мы привыкли смотреть несколько свысока. Посмотреть, как использовали те же самые нефтедоллары государства Персидского залива. Причем я имею в виду как крупные страны — Саудовскую Аравию и Кувейт, — так и те, что обычно не в фокусе, но использовали их ещё более эффективно — например, Оман, Катар, Бахрейн — и сумели на этой базе диверсифицировать экономику.

Но основную часть своего выступления я хотел бы все-таки посвятить теме доклада Алексея Юрьевича Зудина. Он начал за упокой, а кончил за здравие — мне кажется это очень показательным. Сегодня всячески объясняли, почему в России не любят предпринимателей и богатых людей. А можно спросить, где их любят? Я, честно говоря, не знаю такой страны. Не только в Европе с ее, скажем, антибуржуазным комплексом, особенно в романских странах, но и в Соединенных Штатах Америки отношение к богатым и предпринимателям, как минимум, двоякое. Их принимают как необходимое зло, но большой симпатии они не вы-

зывают. По-видимому, это все-таки заложено в самой человеческой природе.

Что же касается России, то меня, честно говоря, удивляет и даже изумляет пластичность российского сознания. Мне очень трудно представить другую страну, где люди на протяжении очень короткого периода времени потеряли половину своих доходов (например, в 90-е годы), где полностью была демонтирована социальная сфера (стала платной), где социальное расслоение в обществе достигло максимально возможных пределов (у нас сейчас соотношение богатых и бедных на уровне Бразилии, Аргентины и Чили — 1:20), произошло крушение государства (удар по национальной гордости, удар по моральным основам жизни) — трудно представить страну, где при всем этом сохранилось бы терпимое отношение к предпринимательству и к бизнесу, — в целом не худшему, по мировым меркам.

Разговоры о каких-то особых установках российской культуры, по-моему, совершенно не подтверждаются ни социологией, ни практикой. Не говорю о путинском периоде, когда целый ряд вещей стал выправляться, но если обратиться к политической практике, никогда бы, скажем, А. Хлопонин не победил на выборах в губернаторы Красноярского края, если бы эти утверждения были справедливы. К чему только не прибегали его конкуренты! И миллиарды подсчитали, и олигархом называли, и национальность родителей исследовали, и где родился, и пр., пр. — не помогло. И никакой подтасовки при выборах не было, и быть не могло, потому что административный ресурс находился как раз в руках конкурента. То же самое происходило в Тверской области и в Архангельске. Предприниматели там, где правильно строят и поведение, и кампанию, оказываются ничуть ни в худших условиях, по сравнению с другими.

Значит ли это, что у нас здесь все безоблачно и хорошо? Думаю, что нет, проблемы есть. Богатство и новая собственность не легитимизированы в общественном сознании. И сколь бы ни был популярен Президент, если он будет твердо стоять на том, что итоги приватизации не подлежат никакому пересмотру, установка общественного сознания не равно не изменится — это реальная проблема, её надо решать.

С моей точки зрения, здесь надо признать всё, что было сделано в приватизационной области в 90-е годы, за одним, очень существенным исключением. Речь идет о нескольких сотнях крупнейших приватизационных сделок, которые должны пройти чистилище юридической проверки. Если они его пройдут, — этот вопрос закрыт. Если же с

Фото Л. Панкратовой

В. Б. Кувалдин

этим возникнут какие-то проблемы, — надо должным образом их решать. Это политический вопрос, и от него никуда не уйти. Делать вид, что его не существует, все равно, что прятать голову в песок.

Ещё по поводу того, что российский обыватель не любит предпринимателей, не любит богатых людей. А кого он любит? Что, у нас очень чиновников любят? В восторге от политиков или обожают правоохранительные органы? По-моему, в этом смысле предприниматели находятся ничуть не в худшем положении. У них действительно большая проблема с утверждением в обществе, которую не решишь, с моей точки зрения, пиаровскими акциями. Им надо утвердиться как в экономической, так и в социальной области. И есть масса образцов, кстати, на критикуемом нами Западе, где действительно обнаружили серьезные проблемы с корпоративной этикой, но там существуют и механизмы их устра-

нения, до которых нам пока еще очень далеко. Там не пытаются замести проблемы под ковер.

Поэтому мне представляется более перспективным не кивать на тяжелое советское прошлое, я, честно говоря, удивляюсь пластичности и прагматизму нашего массового сознания. Мне кажется, что будущее предпринимательства в России во многом зависит от правильных, адекватных выводов, которые оно сможет сделать, в частности, из опыта развития в постсоветский период.

С. П. Капица

Спасибо. По-моему, Вы очень уместно дополнили все ранее сегодня сказанное.

Я хочу предоставить слово Оксане Генриховне Дмитриевой, депутату Госдумы.

О. Г. Дмитриева

Начну с того, что по опросам в таких городах, как Санкт-Петербург и Москва, 70% населения относится к предпринимательству либо «хорошо», либо «очень хорошо». Это на основании данных предвыборных социологических опросов — самых дорогостоящих, как известно. Те же выборы показывают, что предприниматели совсем не хуже избираются в различные органы, чем кто-либо другой. Могу сказать, что на выборы я шла от Партии развития предпринимательства и получила в Петербурге рекордное количество голосов и в процентном отношении, и, так сказать, по номинальному количеству, которое кто-либо когда-либо получал. Это говорит о том, что само по себе слово «предпринимательство» никакой аллергии у населения не вызывает. Сейчас, конечно, люди различают крупный бизнес и малый бизнес. К малому бизнесу все уже относятся, как к чему-то гонимому, преследуемому чиновничеством, поэтому народ его воспринимает как какую-то часть себя, считая, что малый бизнес в нашей стране находится примерно в таком же плохом положении.

Теперь о том, насколько люди вообще хотят заниматься предпринимательством и насколько, допустим, молодежь рассматривает предпринимательство как привлекательный вид деятельности. Совсем недавно я читала лекцию в Университете экономики и финансов в Санкт-Петербурге. В большом зале было где-то 300-400 студентов с хорошим образованием, хорошими перспективами. Мне задали вопрос,

Ж клуб

Нижинский

Фото Л. Панкратовой

О. Г. Дмитриева

почему у нас нет экономического роста? Я попросила поднять руку тех, кто хочет заниматься бизнесом, кто хочет открыть своё собственное дело и кто хочет получить хорошее оплачиваемое место наемного менеджера. Желающих создать собственное дело оказалось человек 10–15, все остальные были заинтересованы в том, чтобы получить место топ-менеджера. На это я сказала: «Когда будет обратная ситуация — тогда у нас будет и экономический рост».

Если сейчас посмотреть на любое собрание малых предпринимателей, вы увидите седые головы — происходит старение людей, занимающихся бизнесом. Эти люди, будучи относительно молодыми, занялись бизнесом в конце 80-х, а нового притока нет. Это говорит не о том, что к предпринимательству кто-то плохо относится, а о том, что молодежь понимает, с какими сложностями будет связано открытие собственного дела и поэтому не стремится к нему.

А переворот в сознании по отношению к предпринимательству, на мой взгляд, произошел после дефолта 1998 г. Люди поняли, что с предпринимателем, который создал для них рабочие места, а значит средства к существованию, они повязаны. Плохо предпринимателю, он разорился — они теряют работу. Бабушка человека, который потерял работу, тоже понимает, что её внук потерял работу, потому что произошло банкротство, разорился предприниматель. Поэтому дефолт 1998 г. резко изменил отношение к предпринимательству: его стали воспринимать не как кровопийцу, а как кормильца.

С. П. Капица

Слово попросил предприниматель — Анатолий Григорьевич Гавриленко, председатель наблюдательного совета группы компаний «Алор».

А. Г. Гавриленко

Мне хотелось бы дать несколько комментариев по поводу услышанного сегодня.

Оксана Генриховна говорит о том, что молодежь не идет в бизнес. Мы с молодежью работаем. Ребята, может быть, и хотели бы начать собственное дело, но не знают, где взять денег на это. Если государство создаст условия, я думаю, молодых предпринимателей у нас будет много.

Мы говорим про сообщество предпринимателей. А что это такое? Приводили цифры: миллион малых предприятий. Если посчитать, в малом предприятии работает как минимум 2-3 человека, плюс их родственники — уже больше 3 млн. человек. Прибавить к ним остальных предпринимателей, и окажется, что приличная доля нашего общества — это сами предприниматели. Так кто кого не любит? Сами себя что ли?

По поводу «заигрывания» бизнеса с обществом. Да ничего он не заигрывает. Я, например, ни с каким обществом не заигрываю, я играю иногда в бильярд со своими приятелями, партнерами по бизнесу, но с обществом не заигрываю.

Что касается стремления бизнеса дружить с властью, — не дружу я с властью. Я просто делаю свое дело, а если это про малое предприятие, я вас уверяю, что и они делают свое дело, торгуют и не думают про власть. Я видел, как представители префектуры или мэра Москвы встречаются с малыми предпринимателями. Министры, так сказать, отчитываются, а

малые предприниматели сидят и молчат — их пригнали сюда, как раньше на партактив. Во время разговора они смотрят на часы и убегают, потому что им некогда, у них дела, полно работы, понимаете? В конце заседания один из них поднимается и говорит: «Ну, когда же нам дадут работать-то нормально?» — и снова тихо садится на место.

Все упомянутые опросы, насколько я понимаю, в основном касаются, например, Чубайса, то есть крупного бизнесмена. Но не ко всем относятся так, как к Чубайсу, есть достаточно уважаемые и грамотные люди. Недавно я вернулся из Сургута, где есть такой господин Богданов (Владимир Богданов, глава Сургутнефтегаза — *Ред.*) — его в городе все очень уважают. Он себя правильно ведет, платит налоги, живет в обычном панельном доме. Может, занимает все этажи — не знаю, но с виду обыкновенный панельный дом, а он миллиардер.

И в завершение. Прослушав первый доклад, я составил свой портрет: живой труп, помесь вола с прирученным муравьем, способный к размножению в неволе. Спасибо.

С. П. Капица

На этой оптимистической ноте мы и закончим обсуждение. Благодарю всех за участие в работе.

ЖК

Письменные доклады участников обсуждения

Отношение к предпринимательству и богатству в христианской традиции

Т.Б. Коваль, заместитель директора Института федерализма
и гражданского общества

В современной России проблема взаимосвязи этики и экономики, а точнее отсутствия такой связи, стоит чрезвычайно остро. Обнищание подавляющего большинства россиян и обогащение небольшой группы «олигархов», региональные диспропорции, криминал и коррупция – все эти, как и многие другие негативные явления, свидетельствуют о том, что рынок сам по себе не является залогом общественного благополучия. Без прочных этических основ он так и будет оставаться «базаром» с дикими и агрессивными «правилами игры». В этой связи важно обратиться к религиозному аспекту данной проблемы, а именно к христианской традиции, с которой в течение многих веков было связано все культурное и цивилизационное развитие Европы и России.

Показательно, что весной этого года Русской Православной Церковью был принят документ, посвященный этическим началам экономической деятельности. Не вдаваясь в его анализ, скажу лишь, что этот нравственный кодекс православного предпринимателя, широко обсуждавшийся на научных и религиозных конференциях, нельзя признать удачным¹. Пропитанный духом православного фундаментализма, он в некоторой степени даже провокационен. Однако сам факт появления подобного документа симптоматичен, и, видимо, в ближайшем будущем инициативы церковных иерархов по созданию подобных документов, призванных внедрить нравственные начала в экономическую деятельность, будут нарастать.

В связи с этим хотелось бы сказать кратко о наиболее важных отличиях в отношении к богатству и земным благам в православии и католицизме.

¹ См., например, материалы международной конференции «Социальное учение православия в современном обществе», проведенной в Фонде им. Конрада Аденауэра в сотрудничестве с Отделом внешних церковных связей РПЦ, Церковно-научным центром «Православная энциклопедия» и Синодальной богословской комиссией РПЦ 15-16 марта 2004 г.

Ж клуб

Нижинский

Фото Л. Панкратовой

Т. Б. Коваль

В целом можно сказать, что православная традиция в значительно большей степени, чем западное христианство, отдает моральное предпочтение фигуре бедного и порицает богатого, поскольку само обладание собственностью и богатством ставит под сомнение его добродетельность. Предпринимательство, так или иначе связанное со стремлением к прибыли и обогащению, вписано в этот общий контекст негативного отношения. Обратим внимание, что евангельские тексты говорят не об абстрактных понятиях бедности и богатства, а о бедных и богатых. Другими словами, сама по себе бедность не делает человека добродетельным, а богатство порочным. Здесь важно не наличие или отсутствие собственности и богатства, а чувство собственности, жажда накопительства, привязанность к имуществу, деньгам, богатству, сребролюбие и стяжательство (хотя чаще евангельские образы бедных выглядят все же более добродетельными, чем образы богачей). Однако уже в первые века в святооте-

ческой литературе обозначилось два подхода. Первый, основанный Св. Климентом Александрийским, разводил понятия бедности и бедных, богатства и богатых. Второй подход, в наиболее резкой форме сформулированный Тертуллианом, напротив, соединял их, в результате чего всякий бедный становился добродетельным, а всякий богатый — порочным. При этом речь шла не просто о добродетельности или пороке, но о спасении, о вхождении в вечную жизнь, в Царство Божие. Получалось, что «если Царство Божие не принадлежит богатым, то бедные неминуемо должны иметь его своим уделом»².

Хотя среди особо чтимых святых отцов в православной традиции было много тех, кто отвергал подобное отождествление бедности с добродетелью, а богатства с пороком (Св. Василий Великий, св. Григорий Богослов, Св. Григорий Нисский и др.), все же подобное упрощенное восприятие бедности и богатства прижилось. Можно сказать, что в православной традиции, в отличие от западного христианства, ориентированного на «мягкое» социальное учение Св. Климента, возобладал второй, «радикальный» подход. Его бескомпромиссность в отношении земных благ, собственности и богатства усиливалась с течением времени благодаря развитию ряда тенденций, характерных для Православия. Эти тенденции не ушли в прошлое, а продолжают существовать и поныне, во многом определяя глубокое различие между православным и западнохристианским подходами к проблеме материального благополучия и богатства.

Первая тенденция связана с так называемым эсхатологизмом, сосредоточенностью не на «этой» временной жизни, а на жизни вечной, Царствии Божием, которое наступит с концом света и вторым пришествием Христа. В раннехристианскую эпоху этого ожидали буквально со дня на день, во всяком случае в течение жизни данного поколения. Поэтому все, что было обращено на долгосрочную перспективу — семья, дети, культурное творчество, всякое «обустройство» в этой жизни, — рассматривалось как ненужное и бесполезное. Конечно, эсхатологическое чувство менялось в веках, но по своей природе сдерживало земной активизм, делало бессмысленным стремление к улучшению материальных условий личности и общества, как и вообще ко всякому техническому и цивилизационному совершенствованию. Естественно, что

² Тертуллиан. Избранные сочинения. М., 1994, с. 343.

предпринимательство в таком контексте становилось не более чем суетой, отвлекающей от главной цели – вхождения в Царствие Небесное.

Большинство православных богословов признают эсхатологизм сущностной особенностью православного сознания, противопоставляя его западному христианству, которое в значительно большей степени занимается земными и социальными проблемами нашего «преходящего» мира. Это нашло выражение, в частности, в том, что часто православие связывают с образом апостола Иоанна, любимого ученика Господа, который обладал созерцательным характером, воспаряя духом подобно орлу в небесные высоты, с которых все земные проблемы казались маленькими и трудноразличимыми (не случайно апостол Иоанн чаще всего изображается в виде орла). Напротив, католицизм связывают с образом деятельного апостола Петра, который смотрел на небо с земли, не теряя твердой почвы под ногами.

Вторая тенденция связана с тем, что этический идеал православное сознание всегда связывало с монашеством. В отличие от католицизма, где монашествующие выполняют важнейшую функцию в общественном организме, образуя особое сословие, образу жизни которого остальные сословия вовсе не обязаны подражать, в православии, по известной формуле о. С. Булгакова, «каждый должен быть монахом – аскетом в сердце своем»³.

На практике это означало, во-первых, признание монашествующей братии «настоящими» христианами, по сравнению с которыми миряне становились христианами, так сказать, «второго сорта»; во-вторых, стремление подражать аскетичному образу монахов, не улучшая свое материальное положение и не совершенствуя хозяйственно-бытовые условия, а напротив, закаливая свой дух неудобствами и самоограничениями. Не стоит и говорить, что богатство в таком ракурсе воспринималось как тяжкое искушение, которого следует избежать (то, что многие монастыри превращались в процветающие хозяйства, не противоречит монашеской аскезе, но связано с ней. Однако стремление к обогащению – личное или коллективное – здесь в идеале отвергается). Так или иначе, но ориентация на монашество привела к тому, что в православии до сих пор сказывается недостаток внимания к «богословию мирского», в том числе к социальным и экономическим вопросам.

³ Прот. С. Булгаков. Православие. Очерки учения Православной церкви. Киев, 1991, с. 187.

Ориентация на монашескую аскезу сочеталась в православном сознании с идеализацией образа не просто бедняка, а нищего, «свободного» от всякой собственности и, так сказать, налегке странствующего по белу свету. Такой «странник» становился высшим образцом для подражания, поскольку все мы странники в «этом» мире и ничто не унесем из него в мир иной. Стремление «налегке», без собственности и богатства прожить эту «временную» жизнь усугублялось в православном сознании, с одной стороны, тем, что жизнь за гробом представлялась лучшей, чем земная, а с другой — тем, что личность отождествлялась преимущественно с душой. Душе ни собственность, ни земные блага не нужны. В католицизме со времен Фомы Аквинского личность связывалась с целостным человеком в единстве его души и тела, а загробная жизнь виделась временным тягостным расставанием с телом и ожиданием нового с ним радостного соединения при будущем воскресении мертвых во плоти. В таком ракурсе наша земная жизнь в теле предполагала уважение к телу, что стимулировало стремление к улучшению бытовых и хозяйственных условий, развитие цивилизационных удобств и предпринимательства.

И, наконец, третья тенденция, о которой хотелось бы сказать, связана с различными — в православии, с одной стороны, и западном христианстве — с другой — подходами к самой проблеме богатства.

В православии закрепился подход, связанный с именем Св. Иоанна Златоуста. Его можно назвать распределительным, поскольку основное внимание уделяется тому, как справедливо распределить между всеми богатство, которое, как предполагается, никогда не может быть нажито честным путем.

В католицизме со времен Фомы Аквинского распределительный подход дополняется другим, который можно условно назвать созидательным. Его смысл заключается в решении вопроса о том, что полезного может дать капитал для развития культуры и цивилизации, преодоления социальных трудностей и построения более справедливого и благополучного общества.

В заключение хотелось бы отметить, что несмотря на огромные трудности в преодолении негативных стереотипов и предубеждений против предпринимателей как древних, так и советских времен, все-таки существует оптимизм. Будем надеяться, что и сами предприниматели осознают необходимость соблюдения этических принципов, без которого невозможно оздоровление ни экономики, ни всей социальной жизни в целом.

Отношение ООН к предпринимательству

А. С. Горелик, директор информационного центра ООН в г. Москве

Затрону тему предпринимательства и стереотипов несколько в ином, международном ракурсе.

Интересно отметить, что ООН за последние 10-12 лет довольно ощутимо скорректировала свой концептуальный и практический подход к этой большой и важной проблеме. Какое-то время назад, занимаясь темой развития, прежде всего в бедных странах, ООН почти исключительно делала акцент на наращивании официальной помощи по государственным каналам, списании долгов и т.п. Строго говоря, речь шла главным образом о том, что и как должны делать правительства.

Сегодня же ООН пришла к выводу, что государству не решить проблем вопиющей бедности лишь за счет разных видов помощи, и более того — такого рода «содействие» во многих случаях лишь укореняет коррупцию, укрепляет позиции репрессивных режимов.

Отсюда весьма ощутимый упор на том, что проблемы развития не решить, если не вовлечь частный сектор как развитых, так и — что особенно показательно — развивающихся стран. Один характерный штрих. В начале марта ООН выпустила доклад под названием: *«Выпустить на свободу предпринимательство»*. В нем без обиняков говорится, что частный сектор наиболее адаптирован к нуждам бедных слоев населения. Именно он и прежде всего мелкие и средние предприятия предлагают населению достаточный выбор товаров и услуг по доступным ценам. Короче, для ООН урок из исследований последнего времени таков: бедность не победить без развития предпринимательства.

Одним из главных рецептов для этого является вывод «серой» или «внезаконной» экономики из тени. Такой пример: в Египте в этом секторе сосредоточено 40% рабочей силы и активы сектора в 30 раз больше, нежели активы всех котирующихся на бирже в этой стране компаний.

Рекомендация ООН ввести неформальный бизнес в лоно правового и экономического порядка применима не только к развивающимся странам, но и, естественно, к России. Быть в пространстве закона в конечном счете должно быть выгодно и частному сектору, и государству.

О культурном статусе предпринимательства

И. Г. Яковенко, главный научный сотрудник
Института социологии РАН

Проблема культурного статуса предпринимательства в российском обществе имеет много уровней. Я внимательно слушал вводный доклад. Осмысление предпринимательства как деятельности, лишенной любых идеальных мотивов, сведение его к стремлению к наживе, противопоставление предпринимателя «нормальному труженику» — будь то шофер, учитель или чиновник, работающий на общество и ради общего блага, — все это, конечно же, порождение советской идеологии. Перед нами чисто манихейская карикатура изображающая сущностную альтернативу советскому человеку. В СССР слово «делец» было ругательством. Можно свести проблему такого отношения общества к предпринимателю к тяжелому, 73-летнему наследию прошлого. Это будет правдой, но это — не вся правда.

Сразу возникает вопрос: почему коммунистическая идеология, профанирующая и демонизирующая предпринимателя, смогла победить и утвердиться в России? Почему в Англии, например, коммунисты — крошечная секта, никогда не определявшая ни политического лица британского общества, ни системы ценностей среднего англичанина? Переходя на следующий уровень детерминации, мы обнаруживаем специфику православной картины мира.

Мировоззренческие и этические позиции, сложившиеся в ходе доктринального вызревания православного космоса задают тип личности, весьма далекий от предпринимателя. Об этом развернуто и, на мой взгляд, очень интересно говорила Татьяна Коваль. В православном университете вся сфера предпринимательской деятельности трактуется как «попущение». Как некий компромисс между природой «лежащего во зле» мира и христианским идеалом. Торговля допустима, но купец должен постоянно помнить о том, что его образ жизни в принципе далек от праведности. Русские купцы и церкви строили, и нищих оделяли, и богадельни открывали, и пили горькую прежде всего потому, что были традиционными людьми, над сознанием которых властвовала описанная система представлений. Православие лежит в основаниях традиционной культуры, оно веками формировало ментальность общества, систему устойчивых представлений. Обращаясь к православной пара-

дигме, мы выходим на гораздо более глубокий уровень детерминации устойчивого отношения к предпринимательству. Но и это еще не вся правда.

Посмотрим на Грецию. Это не просто православная страна. Греция — часть византийского мира, сформировавшего православное мировоззрение. Так вот, в греческом обществе культурный статус предпринимательства и торговли неизмеримо выше, чем в России. Возьмем Армению. Догматически армянская церковь различается с ортодоксальным православием, но она лежит в круге традиций, порожденных православной Ойкуменой. Здесь предприниматель также неизмеримо более укоренен в культуре.

Система этических представлений, сложившаяся внутри мировой религии, императивна, но до определенных пределов. Помимо религиозно заданной картины мира, существуют и какие-то другие факторы. Они воздействуют определенным образом и корректируют религиозную модель. Греция и Армения — древние общества, много веков существовавшие на торговых путях. Торговля и предпринимательство были ассимилированы и укоренились в этих обществах за тысячелетия до принятия христианства. Поэтому монашество и аскетика — это один лик Византии. Укорененный и бесспорный, но лишь один лик. Рядом с ним существовал другой, связанный с товарным производством, рынком, торговлей и предпринимательством, — и он был не менее укоренен, и не менее бесспорен. Был и третий, связанный с огромным и многогранным наследием античности, которое сложным образом соотносилось с христианской догматикой, но прекрасно компоновалось с предпринимательством.

Говоря о больших религиозных системах, задающих параметры целых цивилизаций, надо помнить, что сами они не возникают из пены морской, как Венера, но представляют собой форму теоретической рефлексии, вариант доктринального синтеза, оформляющего сложившуюся на этот момент культуру. Потому они и побеждают в борьбе со своими идеологическими конкурентами.

Сейчас часто и, на мой взгляд, поверхностно полемизируют с Вебером. Протестантизм, конечно же, не создал дух капитализма. Дух капитализма сложился ранее. Протестантизм лишь блистательно его оформил, выдав ему высшую из возможных — религиозную — санкцию.

Подавляющее большинство наших граждан отделяют от десятков поколений традиционного крестьянства, восходящего едва ли не к эпо-

хе неолитической революции, всего три–четыре поколения. Причем это не традиционное крестьянство Средиземноморья, жившее на перекрестке торговых путей, для которого система товарного производства, рынок, предпринимательство – органичная, неотъемлемая часть социальных отношений и хозяйственной жизни. Русский крестьянин существовал на глубокой периферии системы мировой торговли. Как показал Чайанов, еще в начале XX в. крестьянин готов был минимизировать потребление и при первой возможности стремился к натуральному хозяйству и нетоварному производству. Отсюда отношение носителя традиционной крестьянской психологии к сущностям, разрушающим этот универсум, — к рыночному хозяйству, купцу, предпринимателю, наконец, к «богатею» как к предателю уравнительного принципа, скрепляющего традиционный космос.

Все это существовало и тысячу, и пятьсот, и восемьдесят лет назад. Но если в Византии православие уравновешивалось другими тенденциями, речь о которых шла выше, то в России оно легло на догосударственный и в этом отношении идеально социалистический народ. Нечто подобное происходило с индейцами в Латинской Америке. Такие явления, как «социалистический эксперимент», реализованный под началом иезуитов на территориях индейских племен в Парагвае в XVII – XVIII веках, современное движение «Сандеро Люминоса» или целые районы с преимущественно индейским населением, годами контролируемые партизанами коммунистической ориентации в странах Центральной Америки, возникают не на голом месте.

Иными словами, проблемы, с которыми мы сталкиваемся сегодня, носят объективный характер и имеют глубокие корни. Тем не менее, любая, даже растянувшаяся на тысячелетия историческая инерция не всемогуща. Сегодняшнее отношение значительной части общества к рыночной стихии и предпринимательству диктуется традицией. Однако, вслушиваясь в эти высказывания, я всякий раз узнаю интонацию представителей старшего поколения, сформировавшегося в лоне советского общества и наиболее пропитанного традиционными ценностями. На наших глазах в России формируется общество потребления. Не возникает, но растет и расширяется средний класс, который далеко не погиб во время дефолта. Все, кто отмахиваются от этих процессов, живут во власти позавчерашних интеллигентских стереотипов. Реальность такова, что на одном полюсе российского общества происходит маргинализация не вписавшихся в новый яросный мир, а на другом — ин-

тенсивно формируется средний класс (со своей жизненной философией, образом жизни, эстетикой) и складывается общество потребления. Глянцевые журналы, вездесущая реклама, телевидение — это все о них и для них. В этой постоянно растущей субкультуре фиксируется полный разрыв с антипредпринимательской традицией. И это — тотальный разрыв в базовых установках, экзистенциальных ориентирах, языке, системе аргументов.

Здесь можно говорить о семантическом барьере и разрыве коммуникативного пространства: люди формирующегося общества потребления не могут вступить в полноценную коммуникацию с носителем традиции. Им чужды базовые интеллигентские мифологемы — вины перед народом, «простого человека», бедности и простоты как идеального состояния и т.д. Они знают, что бедным, конечно же, надо помогать, но бедный для них — неудачник, маргинал, дезадекват, то есть объект отторжения, а не живой укор, наглядно свидетельствующий об их собственном уклонении от должного. Они твердо знают, что бедным быть стыдно, и жить надо хорошо.

«Крот истории» все-таки роет: из русской культуры вымывается традиционное неприятие богатства.

Круглые столы Никитского клуба

2000

18.04.

«Восприятие современной России за рубежом»

27.06.

«Глобальные проблемы демографического перехода и Россия»

11.07.

«Всемирный день народонаселения и демографические проблемы России» (совместно с Департаментом правительственной информации).

17.10.

«Социально-экономическая политика и преодоление бедности в России» (совместно с Департаментом правительственной информации).

16. 11.

«Реальность и перспективы инновационной экономики в России»

2001

20.02.

«Эволюция российской государственности за 10 лет»

01.03.

«Конституционная экономика и статус Центрального банка» (совместно с Союзом юристов России)

26.04.

«Судебная реформа в России: пределы и возможности» (совместно с Союзом юристов России)

29.05.

Встреча с членами Римского клуба

07.08.

Концепция диалога цивилизаций ООН (встреча с личным представителем Генерального Секретаря ООН господином Д. Пикко)

08.10.

«Воспитание, образование, обучение в гражданском обществе»

19.11.

«Гражданское общество и государство (механизм взаимодействия)»

24.12.

«Зарубежье глазами россиян». (обсуждение книги Фонда
«Общественное мнение»: «Америка: взгляд из России. До и после
11 сентября»)

2002

14.02.

«Макиавелли—России XXI века»
(совместно с Флорентийским обществом)

09.04.

«Ресурсы для экономического роста: от клише к парадоксам»
(по итогам Международной конференции по финансированию разви-
тия. Монтеррей (Мексика), 18–22 марта 2002 года)

27.05.

«Политика и технология зарубежной технической помощи России»

04. 06.

Совместное заседание Никитского клуба с Флорентийским обще-
ством. Обсуждение книг А.А. Кара-Мурзы «Знаменитые русские о
Риме», «Знаменитые русские о Флоренции». «Знаменитые русские о
Венеции»

18.07.

«Россия в «Большой восьмерке»: путь к Кананаскису и далее»

30.09.

«Цивилизационная специфика России: каким аршином мерить?»

15.10.

«Опыт валютной интеграции (на примере ЕС) и единое
валютно-финансовое пространство СНГ». С участием директора глав-
ной дирекции по экономике и финансам Европейской комиссии
Сотириоса Коллиаса

2003

04.02.

«Формула успеха. Как сделать российское экономическое чудо?»
Обсуждение доклада советника Президента РФ А.Н. Илларионова

14.02.

Празднование 75-летия президента клуба С.П. Капицы.
Совместно с Президиумом РАН

27.02.

«Границы настоящего: «ещё» или «уже»?». Круглый стол, посвященный теме времени и юбилею С.П. Капицы (по старому стилю)

05.04.

«Современная миграционная ситуация в мире и России».
Выездное заседание Никитского клуба в г. Санкт-Петербурге

09.06.

«Трансформация международной валютной системы: тенденции и сдвиги». Круглый стол и презентация книги О.В. Буториной, руководителя Отдела европейской интеграции Института Европы РАН
«Международные валюты: интеграция и конкуренция»

18.06.

«ООН и меняющийся мир». Совместное заседание—круглый стол с Информцентром ООН с участием заместителя Генерального секретаря ООН Шаши Тарура

30.09.

«Экономика знаний: контекст российских проблем».
Обсуждение доклада академика В.Л. Макарова, директора Центрального экономико-математического института РАН

21.10.

«Власть—для развития страны».

Никитский клуб

Н62 Цикл публичных дискуссий
«Россия в глобальном контексте» Выпуск 18
Старые проблемы на новый лад: российское предпринимательство и общественные стереотипы —М., 2004.—80 с.
ISBN 5-8341-0070-8

Тема заседания Никитского клуба, стенограмма которого представлена в данном Выпуске, — отношение к предпринимательству в России. В чем причина «нелюбви» к предпринимателю, если можно так объяснить непростое его существование в отечестве? Дань традиции, имеющей культурные корни, или несовершенство механизмов, которым страдает экономика в целом?

В обсуждении приняли участие руководители предпринимательских объединений, ученые-экономисты, культурологи, политики.

УДК 316.654
ББК 60.56

Никитский клуб
Цикл публичных дискуссий
«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 18
Старые проблемы на новый лад:
российское предпринимательство и общественные стереотипы

Редакторы Н.М. Румянцева, И.Ж. Житловская, В.Ю. Григорьева
Вёрстка М.Ю. Иванюшин

Формат 70x100/16. Бумага мелованная. Гарнитура «Гарамон».
Усл.-печ. л. 6,9. Заказ 01389. Тираж 1000.
Отпечатано в ЗАО «Московская межбанковская валютная биржа».
125009, Москва, Большой Кисловский переулок, 13